АндерхаунD

03/21

Легион младых

Что вы здесь забыли:

Отделение №1

Отделение №2

Легион младых

Слово редакции

Литература в наши дни развивается хаотично: есть те, кто заплатил, и те, кому повезло — таких авторов публикуют в издательствах, или у них нашлись ресурсы, чтобы издательства создать. Остальные же, и их большинство, — остались «за бортом». Но это не отметает ни их опыта, ни, тем более, таланта. Просто им, в силу обстоятельств, остались возможными или публикации на интернет-ресурсах, или же работа в стол.

В каком-то смысле те же лет двадцать назад было легче: до полноценного развития интернет-ресурсов литературу можно было ещё хоть как-то отслеживать. Есть деньги и связи — работу публикуют, её видят на полочке, авторка/автор — «в тусовке». О нём ли, о ней говорят, ругают — не суть, важно, что текст издан, его создателя ли, создательницу знают, и он или она в числе тех счастливых, кто смог оставить свой след в мире книг.

Конечно же, никуда не делась тема локальной литературы в духе изданий для местных клубов, кружков, учебных заведений маленького уездного города N — там тоже публикуются, и там тоже есть свои творцы. Только известны они на очень локальном уровне, и вырваться оттуда в большой мир всё ещё очень непросто.

В 2021-м у нас уже есть: ЛибНет, ЛитРес, БукМейт, ФикБук, Самиздат, да та же Флибуста — чем не сервис для самиздата, тем более, из неё книги распространяются на широкую площадку свободных онлайн-библиотек. Отдельно — наша информационная платформа Читомо, которая, да, больше про пиар и распространение — но всё ещё, хоть что-то. Безусловно, это хорошо: с такими заявками для современных творящих вообще не стоит вопрос «куда положить мою книгу». Более того, на многих платформах есть схемы монетизации, есть Патреон. Если и это не выбор — просто предоставить номер карточки и предложить аудитории поддержать проект гривной — и поддержка с большими шансами найдётся.

But, you know, all of this can backfire.

Конечно же, в Украине де-факто издаётся множество авторок и авторов.

Наши редакторы, которые сами работают в издательствах, могут это подтвердить и влёгкую выкатить десятки имён — но это не меняет общего положения «нишевости» нашей литературы в целом. Её много, и ею даже интересуются, и даже находятся свои ценители — но знают ли о ней люди за пределами литературной «тусовки», интересна ли она им?

Чтобы быть известным, всё ещё мало быть просто напечатанным. Кроме этого, нужны огромное везение и большие затраты. Такие ресурсы есть далеко не у всех — и в итоге всё ещё получаем ситуацию, где большая часть произведений остаётся в тени. При таком расслоении дать точный ответ, что собой представляет современная украинская литература — попросту невозможно: нет единой структуры, нет ключевых фигур и, что называется, «флагманов» движения, о которых бы точно знали. Разумеется, этот аргумент можно перекрыть банальным «ну все же знают Кидрука, читали Дереша, Андрухович, Лир вон с Домом Химер чем не классные, и ты сам ведь говоришь, что на самом деле до печати доходит несоизмеримо больше», — и в чём же тогда проблема?

Да, конечно, все их знают, вот только это выборка из четырёх фамилий и одного ну сколь-нибудь молодёжного издательства

на фоне бесчисленного множества авторов, которым или не повезло, или просто лень, или нет никакого желания связываться с официальными представительствами.

А даже если и связались — мало напечататься, нужно вложиться в продвижение, а на это, опять же, не всегда хватает сил и средств.

К тому же, отдельно по поводу тех самых четырёх фамилий: те, кто действительно следит за литературным движением, наверняка заметили, что примеры — авторы разных поколений, и это ещё одна проблема: при том, что на самом деле творцов у нас много — очень редким из них удаётся задержаться в умах публики дольше, чем на пять-десять лет. Те же Олди — кто их помнит сейчас? Андрухович был на пике популярности пятнадцать лет назад, и то, не только за писательскую деятельность — и больше за перфомансы, песни "Мертвого Півня", концепты несуществующих писателей, и сейчас о нём разве что изредка слышно. Кидрук по-прежнему держится не столько в счёт собственных книг, сколько благодаря его активности в различных движениях и в том числе поддержке более молодых талантов. А ведь у нас было и есть общество "Зоряна Фортеця" Силина, Торенко, Зипунова, и с которыми одно время работал Аренев (к слову, известный в Польше больше, чем на родине!), и прекрасная Наталья Щерба с её циклом про Часодеев — но они выстреливают, держатся — и затухают. У общества очень короткая память: если не напоминать о себе ежечасно, то и забудут тебя если не через час, то либо уже завтра, либо через неделю-месяц. Даже те, кому повезло, вынуждены или постоянно удивлять и эволюционировать как творцы, или встречать забвение, не найдя способа удивить чем-то новым.

Итого, чтобы хотя бы приблизительно осмыслить текущую картину с литературой в нашей стране, необходимо смотреть сразу на ряд пунктов:

· Что издаётся по факту

· Что издаётся, но о чём при этом не говорят

· Крупные работы на платформах для самиздата

· Тематические паблики в соцсетях

· Издания земляков в соседних странах

Самое большее, что узнаёт обыватель из подборок новостей — это или совсем уж крупные конкурсы, или работы, которые всё-таки дошли до издательства.

Это даже не полноценная вершина, а самый пик айсберга. Даёт ли это понимание о реальной ситуации? Нет.

Можно ли это как-то исправить?

Единственный проверенный способ донести до народа имена настоящих героинь и героев — это, как ни странно — просто о них говорить, показывать их достижения, признавать их, ими интересоваться.

К тому же, в целом на постсоветском пространстве, и у нас в частности, давно принято обсуждать и равняться на чужих авторов — те же Кинг, Лавкрафт, Паланик (напомним, к слову, вполне наш Палагнюк), да те же Сорокин, Набоков, Мариам Петросян, легион имён и работ, которые признаны, которые знают и любят — а что у нас?

Были ли у нас только Олди, Фрай и Дяченки? И ждать ли чего-то по-настоящему нового от Андруховича, Кидрука? Получается, мы приходим в мир, где классики либо умерли, либо покинули страну, либо не смогли зацепиться в умах последующих поколений — а нового никого нет? Но ведь есть имена, есть достойные тексты, и сейчас речь даже не об изданных — о тех и без нас расскажут.

Но речь о тех, кто по факту является лицом настоящей живой литературы нашей страны, потому что именно они и есть «легион младых», именно в их работах — действительная картина того, что по факту волнует нас, о чём мы думаем, о чём мечтаем, и именно этот пласт литературы наиболее ценен ввиду своей массовости, неоднородности и неоднозначности.

«Андерхаунд» — окно в мир такой литературы. На его страницах вы, скорее всего, не встретите ни единого знакомого имени. Вместо — узнаете массу новых, и это при том, что у подавляющего числа авторок и авторов собранных здесь историй уже есть наработанный бэкграунд, но он разрознен. У одних — это странички на том же Фикбуке, другие и вовсе делились своими историями только в рамках собраний анонимных

писателей или местечковых и никуда не идущих конкурсов «для своих».

Наша задача сейчас — напомнить о ясных чертах истинного лица нашей литературы, скрытой под бледной маской коммерции и везения.

Мы пришли к ситуации, где авторки и авторы не в состоянии достучаться до своей целевой аудитории — и, с другой стороны — сами читатели и читательницы в силу всего перечисленного зачастую не могут найти писательниц и писателей себе по душе — и это нужно менять. Нашим проектом мы надеемся это исправить. Всем по любимой работе, а творящим — аудиторию.

Тематика историй будет меняться от номера к номеру, и хоррор для дебюта выбран не случайно. Прежде всего — это отсылка к старым-добрым антологиям в духе Weird Tales, в которых когда-то публиковались и Говард Лавкрафт, и Эрвин Говард. Отдельно — резюме ситуации, в которой находится литература нашей страны. И, конечно же — привет андеграунду: ужасы — изначально нишевый жанр для ценителей, возникший одновременно как попытка осмыслить природу страха, и, в то же время, тяга к эскапизму, познанию неведомого.

На страницах журнала вас будут ждать как короткие истории, так и работы, продолжения которых будут публиковаться и в следующих выпусках. В этом номере мы делимся первой из трёх частей повести «Акула в чёрном небе» Дмитрия Федюшина, и представляем вам интервью с ним.

Читайте, делитесь, рассказывайте.

Это сделано для вас.

с уважением, главный редактор

Герр Фарамант

P.S.

Конечно же, закономерные титры.

Редактура:

ДАНИЛА ЗМИЙ — опытный редактор, мудрый житель далёкого замка.

MORRIGAN S. CROWS/КСЕНИЯ НАРИЖНАЯ — препарирует душу и реанимирует вашу веру в человечество.

МАЙЯ ЧОРНОТА — доброзичливий хаос, що цінує культуру та живих авторів.

ЦИАНІД/ АУДРА ПОЛУДЕННА — Аудра для читачів та читачок, й смачнюща отрута для авторок і авторів.

RAINGUARD — редактор, Рыжий Лис и Рейнгард, то есть Хранитель Дождя: заботится о погоде и уместном фырррчании.

ГЕРР ФАРАМАНТ — следит за статьями и заверяет общее содержание.

Иллюстрации:

ТИМОФЕЙ МОСОЛОВ-КОХАНОВСКИЙ — художник, и почти превратил наш журнал в комиксы.

ЭРИК ИСКРА — кракен, чьи щупальца оплетают журнал.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПЫСАК — матерь Гаса, маскота нашего.

Вёрстка и дизайн:

ЦИАНІД/ АУДРА ПОЛУДЕННА — не хотіла бути редакторкою, і ось що з цього вийшло: об'єднує різні авторські світи в один спільний.

Моральная поддержка:

ГАС — наш маскот. Ррррява!

Отдельная благодарность:

rofla09 за иллюстрацию к «Гнилому м'ясу», всем авторкам и авторам, которые согласились публиковаться у нас,

и вам, нашим (будущим) читателям и читательницам.

Добро пожаловать, неизвестные мечтатели. Сделайте себе чай или кофе, садитесь удобней – и погружайтесь в царство тьмы и обитель тлена, где открываются чары приватных грёз.

Заходи в мой дом

Эрик Искра

Заходи в мой дом.

Заходи, и ты никогда не выйдешь обратно.

Я приглашаю тебя. Я встречу тебя у порога, подам руку — она будет горячей, ты ведь так замёрз, а в моих окнах всегда горит свет, который буквально ощущается тёплым. Не стой, заходи.

Я проведу тебя по коридору, укажу на широкую дверь, крайнюю справа, а сама ненадолго зайду на кухню — мне ведь нужно предложить гостю чай, не так ли?.. Слуг у меня почти не осталось, а тех, кто остался, тебе пока что не стоит видеть.

Ты останешься в коридоре один.

Потолок медленно поплывёт вверх. Стены, наоборот, станут уже. Мягкий ковёр, похожий на мох, будет скрадывать каждый звук. Ты ещё не испугаешься — решишь, что тебе это мерещится, и пойдёшь к той двери. Но твои ноги будут вязнуть в ковре, идти будет очень, очень сложно, будто ты пробираешься через высокий густой снег. Ты дойдёшь до стены, прислонишься к ней и увидишь, что стоишь возле дверного проёма. Там, за дверью, не будет ковра, не будет невозможно высоких потолков; там будет ещё один небольшой коридор, и тебе покажется, что именно на эту дверь я раньше указала.

Ты зайдёшь туда. Обрадуешься тому, что пол под ногами снова твёрдый, снова слышны звуки, а стены и потолок — нормальные, такие, как обычно бывают в домах. Дверь позади закроется, и если ты обернёшься, то окажется, что её там не было. Или, может, ты успел пройти так далеко, что уже не видишь её?.. Ты не будешь помнить точно.

Ты пойдёшь вперёд. Коридор свернёт направо, потом налево. Ты пройдёшь через дверь, через галерею, дальше будут ступеньки вниз, двери, арки, ещё ступеньки и коридоры; на каждом шагу ты едва будешь помнить, каким был предыдущий шаг.

Там будет длинная винтовая лестница вниз. Пока ты будешь по ней спускаться, то сможешь думать только о том, как бы с неё не упасть, а наконец спустившись, увидишь дверь в подвал.

Ты попытаешься различить звуки, доносящиеся из-за этой двери, но безуспешно; это встревожит больше, чем то, что ты мог бы услышать. Но ты будешь уверен, что там, за дверью — я, а я могу помочь тебе, заблудившемуся в моём же доме. Ты подготовишь извинения, откашляешься, придумаешь какое-нибудь необычное вежливое обращение, возьмёшься за ручку двери и услышишь сзади мой голос.

Ты всё в том же коридоре, у той самой широкой двери, крайней справа, я подхожу с подносом и, в шутку извиняясь, прошу открыть мне дверь.

Ты откроешь, и мы зайдём в гостинную. Там мягкие кресла, камин, очень тепло и горит приятный неяркий свет, именно тот, который ты видел из окон. Там ты совсем забудешь свои нелепые видения.

Попробуй мой чай. Я расскажу тебе, из чего он сделан, перечислю названия трав, которые я собирала, назову остров, откуда родом сами листочки чая. Я предложу тебе шоколадные конфеты. В них ни яда, ни зелья, ни лезвий, но ты возьмёшь их из моих рук, и мне ничего больше не потребуется для того, чтобы оставить тебя здесь.

Этот вечер будет долгим; эта ночь покажется тебе бесконечной. У меня много гостевых комнат, но, впрочем, ни одна из них сегодня не будет занята.

Беги.

Беги по длинной тёмной галерее, споткнись, беги дальше и старайся не смотреть на стены. Беги по лестнице вверх — теперь она гораздо длиннее, чем при спуске, и её ступени гораздо круче, и гораздо проще с неё упасть.

Но сейчас ты не упадёшь. Ты поднимешься по лестнице, выйдешь в переплетение коридоров, наугад выберешь один из них и продолжишь бежать.

Я буду идти за тобой. Просто идти, иногда останавливаясь, чтобы дать тебе отбежать ещё немного. Это ведь мой дом.

Открывай двери, выбирай повороты, поднимайся и спускайся по лестницам. Хватайся за стены, когда пол под тобой начнёт уходить вниз. Сжимайся в комок на полу, когда из стен к тебе потянутся прозрачные длинные руки. Пытайся спрятаться; выскакивай из укрытия, услышав мои шаги рядом, и беги дальше.

Наконец ты выберешься — через узкий ход, в котором не будет совершенно никакого света, а будет только холодная сырость, медленно сжимающиеся стены и шорохи за спиной, — в уже знакомый коридор. Его ты увидел самым первым, когда только зашёл сюда.

Но ты не пойдёшь.

Ты будешь долго идти по нему, через силу заставляя себя сделать каждый новый шаг; бежать ты уже не сможешь. Стены не будут давить на тебя, ноги не будут вязнуть в ковре. Ты всё же дойдёшь до входной двери.

Потянешься к дверной ручке, и твои пальцы схватят воздух. Перед тобой будет продолжение коридора, уходящее в бесконечность, без дверей и поворотов. Если ты сейчас пойдёшь вперёд, то сам убедишься в этом.

Ты обернёшься и увидишь, что я уже совсем близко. Тебе ещё хватит сил на то, чтобы сделать несколько шагов ко мне, а потом у тебя подломятся ноги. Ты неловко упадёшь на колени, попытаешься опереться руками об пол, но и руки тебя подведут.

Я подойду, присяду рядом с тобой и мягко проведу пальцами по твоим волосам.

Ты ведь больше не захочешь убегать?..

ГНИЛЕ М'ЯСО

Аліна Ларіонова

Цього разу юшка не вдалась. Старі гриби не жувались, хіба що застрягали в зубах. Солі батько пошкодував, а розкислої кропиви було більше за воду. Мляво мнучи в роті прісне, схоже на слиз вариво, Юрко водив ложкою в грубій дерев'яній мисці, і раптом голосно по ній шкрябнув.

Старий пес Волан, що дрімав під столом, прокинувся та заквилив. Батько теж нашорошився та підняв на сина очі:

— Чого? — мовив він. — Не подобається?

— Та ні, — відказав Юрко, мимоволі втискаючись у кривий стілець. — Все гаразд.

Батько зирнув на нього, і Юрко аж похолов:

— Правда.

Батько погойдав головою:

— Не дури. Знаю, що гидота вийшла. Твоя мати б ніколи такого не припустилась.

— Та ні, — заперечив хлопчик попри жар на вухах. — Смачно. Йому б ще м'яса шматочок...

— Не приходило сьогодні м'ясо.

— Так, розумію, — опустив очі Юрко. — А що б мама з цією юшкою зробила?

— Не знаю. Трав би якихось підсипала... Чи й справді — шматок м'яса б вкинула.

— Де б вона його взяла?

— Колись його було вдосталь. На всіх вистачало: і на нас, і на вас із сестрою.

— А де воно тепер?

Батько спохмурнів:

— Закінчилось.

— А мама?

— Нема її більше, сину.

— А сестра?

— Не знаю, — рубонув батько. Та Юрка було не спинити:

— Так не буває! Куди вони пропала?

— Не твоє діло! — скочив чоловік. Хлопчик знову втисся в стілець. — Всюди лізтимеш — життя втратиш. Ясно?

— Ясно, — затрусив Юрко головою. Він був готовий на все, аби батько відчепився. — Можна?..

— Геть! — гримнув чоловік.

Юрко зіслизнув на підлогу та чкурнув із хижки. Позаду грюкнуло: батько знову щось зламав. Добре, що не Юркову голову.

Вискочивши надвір, хлопець було рвонув до хвіртки, та, вгледівши на ній товстенний важкий засув, зупинився. Самотужки він його не зсуне, а якщо й примудриться — батько озвіріє, як дізнається. Гірко схлипнувши, Юрко причаївся під парканом подалі від дверей хатини та став чекати.

Здається, минула вічність, поки батько вийшов. Хлопчик затамував подих, але батько його навіть не шукав. Поковильгавши трохи по подвір'ю, той, як ледь не щодня, опустився додолу перед невеликим зеленим пагорбом із двома встромленими в землю перехрещеними ломаками й трохи там посидів. А потім встав і, не глянувши й разу в Юрків бік, повернувся до хатини.

— Сину! — почулося звідси за деякий час. Голос здавався спокійним.

Юрко зазирнув у хату. Батько сидів у

глибині кімнати та вистругував нову ложку. Щепи попередньої лежали біля його ніг, поряд зі складеними докупи черепками від робитого глека. Волан примостився поруч, поклавши голову на чоловікове коліно. Скріпивши серце, Юрко підійшов.

— Ось, — простягнув йому батько товсту, пожовтілу та пошарпану книжку. — Знайшов учора в льоху… Коли я був, як ти, мені подобалось.

Юрко взяв її в руки та глянув на обкладинку. «…Томпсон… про тварин» — говорили рештки напису. З малюнка на нього дивився великий кудлатий вовк, за яким ледь не з обрію спостерігав чоловік на коні. З-за спини людини стирчала якась довга палиця. Юрко зміряв її поглядом та спитав:

— Нащо мені читати?

— Може, ти колись звідси виберешся, — розвів руками батько. — Ти ж маєш знати світ. Мову, людей…

— Жадібні, жорстокі, тупі; п'ють, обжираються, вбивають та все нищать. Не хочу я їх знати.

— Звідки ти це взяв?

— З твоїх книжок.

— Ясно, — задумливо промовив батько та повернувся до своєї різьби. — Та в світі є дехто гірший за людей.

— І хто ж це?

— Звірі, — зирнув той спідлоба.

Юрко затис книжку в долоні та покрокував надвір.

— Не виходь за паркан, — почулося ззаду.

«Звірі не лаються, — сидячи позаду хижки, думав Юрко. Книжку він так і не розкрив. — Не б'ються, не гримають і не обзиваються. І погляди в них добріші за твій. Якщо всі люди такі, як ти, я до них не хочу».

За парканом щось прошаруділо. Юрко глянув та побачив крізь щілину довгий рудий хвіст. «Лис!» — здогадався він. Прийшов втішити, як справжній друг.

— Привіт, — прошепотів хлопчик.

Звір підняв свою гостру морду та глянув йому в очі. Юркові нараз стало тепло й затишно.

— Як ти, друже? — спитав він, потай чекаючи на відповідь. У книгах іноді звірі балакали, то, може, і цей уміє?

Лис підібрався до паркану впритул та подряпав кігтями грубі дошки. Наче привітався. Писок його здавався веселим та зацікавленим, а не похмурим, як у батька. От би з ним погратись — погладити, за лапи потримати, помацати його товстий пухнастий хвіст.

— Не сиди там, — покликав Юрко лиса. — Лізь сюди. Ось, я тобі навіть прохід зробив, — вказав він на підкоп, що сам долонями прорив за кропивою.

Звір підійшов до лазу, донюхався та всівся поруч. Не хоче, — гірко подумав хлопчик. Чому? Може, це через Волана та його запах? Кажуть, собаки не ладнають із лисами. А, може, звір боїться?

— Не бійся, — прошепотів він до лиса. — Я не ворог. Я просто хочу погратись.

Лис дивився на нього великими розумними очима. Наче вагався.

— Підійди, будь ласка, — аж вчавився Юрко у паркан. — Мені так самотньо…

— З ким це ти розмовляєш, сину? — почувся позаду голос батька.

Звір скочив та зник у траві. «Ні!» — ледь не скрикнув хлопчик, та стримався.

— Ні з ким, — промовив він. — Тобі здалося.

— Неправда, — відрізав чоловік. — До кого ти звертався?

«Не зізнавайся!» — наказав собі Юрко.

— Ні до кого. Книжку читав.

Спиною він відчув, як над ним нависла важка батькова фігура.

— Покажи її!

В Юрка похололи жижки: книжки поруч не було.

— Потім, — промямлив він. Та пізно.

Сталева рука вхопила його за барки, підняла на повний зріст та різко розвернула до себе. — Ти брешеш, — хрипнув батько.

Його обличчя скривилось, очі налились кров'ю.

— З ким ти розмовляв? Зізнавайся!

— Ні з ким! Тут не було нікого. Правда! — пискнув Юрко. Тої ж миті він боляче гепнувся на землю.

— Не смій! — заволав батько. — Не смій знатись із звіриною! Чуєш, паршивцю малий? Не приманюй їх сюди! Бо відлупцюю!

Переляканий хлопчик закляк, де впав. Він не смів ані поворухнутись, ані пискнути. Лише чекав, поки минеться лихо.

Йому ще ніколи не було так страшно.

Батько давно пішов, а Юркові все дзвеніло у вухах. І серце калатало так, наче хотіло розбитись об груди.

Треба втікати, поки він не здогадався. Байдуже, куди.

Хай навіть до людей.

На щастя, дірку під парканом батько не вгледів. Так, вона мала, але ще трохи — і буде більша. Якраз щоб у неї пролізти.

Кілька днів він розкопував лаз. Зрідка, уривками, аби не помітив батько. Чи Волан: раптом батько собачі думки розуміє? На третій вечір Юрко зміг пропхнути в дірку голову. Ще день — і він опиниться на волі.

Наступної ночі він боявся заснути. Постійно щипав себе, закусував язика, і раз по раз прокручував у голові план втечі. Встати на світанку, тихо пройти до дверей, не наступивши на сплячого пса, припідняти лівий край, аби не рипнуло, розчинити, вислизнути, затулити за собою...

...Як тільки рятівний лаз опинився позаду, Юрко скочив і деремнув у хащі. Ось воно! Воля! Він більше не бранець. Ніщо його не тримає!

Та ледве перший запал минув, Юрко сповільнився. Він ніколи не виходив з хатини без батька і собаки, і не звертав з кількох протоптаних стежин.

То де він? Куди він біжить?

Як йому знайти людей?

Під ногою почувся шурхот. Хлопчик відскочив і вдивився в опале листя. Серед нього майнув рудий хвіст.

— Друже! — простягнув Юрко руку лисові. Звір відсахнувся. Хлопець сховав долоню за спину та сів навпочіпки, аби здаватись меншим.

— Це я, — промовив він, — Юрко. Хлопчик із хижі. Але я більше там не живу. Я втік, і не повернусь.

Лис підняв на нього очі. «Зрозумів!» — зрадів хлопчик.

— Лисе, — мовив він до звіра, — милий мудрий лисе, допоможи. Я не виживу сам. Я маю потрапити до людей. Я не знаю, як, зовсім. Будь ласка, покажи, як до них вийти.

Лис змахнув хвостом і кудись затрусив. Хлопчик побіг слідом, намагаючись не згубити свого провідника у траві. Це було складно, — звір мчав, де хотів: між каменюк, по болоту, крізь гілля заваленого дерева. Юрко старався з усіх сил. Біг, стрибав, проповзав... Кілька разів лис на нього озирався, і навіть довгенько прочекав на вершечку вкритого мохом валуна, та хлопчик не хотів відстати. Він боявся заблукати у цих все густіших та густіших хащах.

Під полуденним сонцем вони проминули невеличку галявину. Юрко вгледів на землі трохи суниць і нахилився було за ними, але лис погнав далі. На тремтячих ногах хлопчик почовгав слідом. Він вже сумнівався, чи стане йому сил на далі. От якби якихось ягід набрати...

— Друже, стій! — гукнув він лиса, знову вгледівши у траві червоні цятки. Звір завмер, посмикуючи хвостом. — Я лише ягід нарву. Поїсти. Я миттю, чесно, — пообіцяв Юрко, опускаючись на коліна. Суниці було багато, кілька десятків кущів. Похапцем об'ївши ближчі з них, Юрко потягнувся за наступними. Він припідняв великий віддалений листок, за ним блиснуло щось біле й округле. Юрко нахилився, щоб придивитись...

...Лис змахнув хвостом та чкурнув у хащі.

— Стій! — рвонув Юрко слідом. Забіг за сосну, прослизнув під молодою ялиною...

І земля під його ногами розсипалась.

Цілу вічність Юрко летів у порожнечу, аж поки не вдарився. В очах потемніло, дух вишибло, у ногах щось розірвалось... Все...

Коли біль вгамувався, Юрко ворухнув

спочатку однією рукою, потім — другою. Начебто вдалось. Начебто цілий. Можна підвестись. Та ледве він спробував посунутись, у правій нозі щось спалахнуло. Юрко завив та рухнув назад. Нога розривалась на частини, та він на неї не глядів. Просто не міг себе змусити.

Лише коли біль знову пригас, Юрко набрався мужності подивитись. Відкривши очі, він застогнав від жаху.

Навколо височіла стара глибока яма, у яку звисало довге сплутане коріння. З її дна росло трійко грубих кілків. Вершечок одного, стікаючи кров'ю, стирчав з Юркової литки.

***

Він не знав, скільки провалявся під землею. Може, пару днів, а може, — до вечора. Біль був страшний. Від найменшого поруху ногу то пропікало наскрізь, то смикало, як у гарячці. На порожній живіт він навіть не зважав.

Увесь цей час Лис сидів поруч. Він виявився теплим та пухнастим, хоч і не таким м'яким, як ввижалось. Кілька разів Юрко благав його збігати по допомогу, та звір його не розумів. Лише дивився на хлопчика своїми великими мудрими очима. Врешті, Юрко здався:

«Що ж, принаймні, я не один. Хтось є поруч. Хоч комусь я не байдужий».

Лис, наче почувши його думки, потерся всім тілом об його щоку. В носі залоскотало. Юрко голосно чхнув і, прострумлений болем, знепритомнів.

У забутті йому примарився лис. Звір ходив кругами навколо його рани, злодійськи поглядаючи на Юрка. Врешті лис всівся біля його п'ят. Донюхавшись, звір роззявив пащу та повільно провів по кривавому струмкові язиком. А тоді замружився та облизнувся. Його зуби заблищали...

Юрко скрикнув та отямився. Лис відсахнувся й напорошив вуха. Коротко нюхнувши повітря, він здригнувся та аж вилетів по коренях із ями.

— Куди? — простогнав Юрко йому вслід.

У голові майнуло: «Все, кінець».

Та за якусь мить вдалині почувся глухий низький гавкіт. «Волан? — не повірив Юрко. — Женеться за мною? Сам? Будь ласка, хай він буде сам!»

На очах проступили безсилі сльози.

Над головою розкотився урочистий «гав». Зістрибнувши донизу ями, сивий пес обнюхав хлопця та потягнувся до його ноги.

— Волане, геть! — пролунав батьків бас. Всередині Юрка щось скрутилось.

Він намагався не дивитись. Не хотів бачити похмурий батьків погляд, чи знову труситись від його рику. Та, ледве той зліз до ями та схилився над Юрком, хлопчик підняв очі догори й приречено стисся.

Батько оглянув його з ніг до маківки та мовив:

— Більше так не роби.

Потім став на коліна поруч, завів одну долоню Юркові під спину, а іншою міцно вхопив пробиту ногу.

— Тримайся, — буркнув він та різко рвонув Юрка на себе. Хлопець заверещав та знепритомнів знову.

Отямився він у батька на руках. Десь знизу похрипував Волан.

— Батьку? — подав голос хлопчик.

— Спокійно, — мовив той. — Скоро будем вдома.

— Що то було?

— Вовча яма.

— Хто її вирив?

— Люди.

— Знову люди? — спитав хлопчик, потай зрадівши. Люди поруч! Він майже добіг. Просто трошки не туди завернув. Нічого. Коли нога загоїться, він знатиме, куди тікати. — Навіщо?

— Вони захищались.

— Вони мене ледь не вбили.

— Ти не мав сюди ходити, — промовив батько. Юрко прикусив язика.

До самої хижі він не подав ані звуку, подумки благаючи, аби його ніде не вронили. Та, ледве його пронесли крізь знайому хвіртку, хлопчик мимоволі схлипнув: знову

він бранець. Батько заніс ногу для чергового кроку, і раптом з-під його чобота вискочив хтось сірий та пухнастий. Батько хитнувся за звіром, та Волан його випередив. Юрко зойкнув та замружився.

— Саме прийшло твоє м'ясо. Заслужив, — промовив батько.

Ледве його голос затих, почувся справжній гамір. Навколо все сичало, булькало, тявкало, хрипіло, стрекотало та пищало. Юрко розкрив очі та роззирнувся. Завжди порожній, мовчазний двір немов набився життям.

З-під огорожі, витягнувши довгу шию, пирхав тхір, з віддаленого куточка двору, де завжди ховався Юрко, вилупивши очі, реготав хтось смугастий, поруч із знятим засувом тремтіли якісь гострі повінчані китицями вуха, а вже зовсім близенько серед витоптаної пожухлої трави вовтузилось кілька щурів. Пес було за ними смикнувся,

та закляк, — під його лапами прошаруділа змія. І вже зовсім згори пролунав чийсь крик. Юрко підняв голову та вгледів з десяток здоровенних птахів, що гордовито розсілись по сусідніх деревах. Один із них розкрив крила, і Юрко мимоволі розкрив рота, милуючись їхньою заворожуючою чорнотою. Аж поки не почув злий бас:

— Скільки їх набігло. Наче... — батько різко замовк.

— Що: «наче»? — не витримав Юрко.

— До себе додому, — відрізав той та деремнув до хижки. Пес було зібрався слідом, але чоловік лише гаркнув:

— Стережи! — та грюкнув дверима перед його носом.

Опинившись всередині, батько прокрокував до столу та, змахнувши все, що там було, розклав Юрка на грубій розсохлій поверхні. А далі хлопчик лише волав. І коли батько лив на рану холодну воду, і коли ліз у неї руками, і коли так закручував її якимось ганчір'ям, що перед очима пливло. Лише коли його лишили в спокої, і рана вже не горіла, а тільки нила, Юрко замовк та крадькома витер сльози. Втомлений і виснажений, він не помітив, як заснув.

Прокинувся він від болю: ногу, що вже наче вгамувалась, люто смикало. В кутку батько щось складав у мішок — Юрко не міг розгледіти, що саме.

— Що ти робиш? — спитав він.

— Збираюсь. Ми тут не залишимось.

— Але ж я не можу йти.

— Я понесу тебе, — зав'язав батько на поясі свій мішок та підхопив хлопчика на руки.

Розчахнувши двері, чоловік випростався на весь зріст і гаркнув:

— Дорогу!

Звірі, яких стало ще більше, дружньо замовкли. Батько наче видихнув та попрямував геть. Волан затрусив слідом.

Та щодалі вони ішли, тим голосніше гупало Юркове серце: він йшов не туди. Жадане людське селище залишалось за спиною.

— Тату, — не витримав він, — куди ти мене несеш?

— Куди треба.

Він бреше!

— Люди в інший бік, — прошепотів хлопчик.

— Ти не знаєш, — мовив батько підозріло.

— Знаю! Мені Лис дорогу показав.

— Лис? Чорт забирай! — скрикнув батько та припустив дужче.

Хлопчик похолов: він його вб'є! Проломить голову. Або скрутить шию. Десь далеко, щоб ніхто не знайшов.

Його ніхто не почує. Та все одно Юрко набрав повітря в груди та заволав:

— Допоможіть!

У траві майнув знайомий рудий хвіст. Юркові сперло подих: Лис тут! Він його не покинув! Він допоможе. Хлопчик не знав, як, та не сумнівався анітрохи.

— Рятуйте! — скрикнув він голосніше.

— Тихо будь! — гримнув батько. Та голос його здригнувся. Йому страшно! Він боїться! Його жахливий батько боїться! Він, Юрко, не один! Він ще може врятуватись!

— Допоможіть! — заверещав він з усіх сил. — Рятуйте! Хто-небудь! Вбивають! Вбивають!

Батько закляк на місці та глянув на Юрка. Здивованими, ошелешеними очима.

— Синку, — прошепотів він, — що ти верзеш?

І тут він зойкнув. Його руки ослабли, і Юрко мішком вивалився на землю. Прокотившись по траві, він зупинився та підвівся на ліктях.

Батько стояв на колінах, однією рукою тримаючись за литку, а іншою затикаючи бік. Його здивовані та перелякані очі витріщались на сина.

— Що ти верзеш, синочку? — прошепотів він. — Як ти можеш?..

Під його пальцями поволі розпливались темно-багряні плями. «Кров? — подумав хлопчик. — Але як?..»

Трава зашаруділа, і з неї виліз Лис. Волан вищирив зуби та рвонув у його бік.

— Волан, сидіти! — скрикнув батько. Пес закляк і неохоче опустився на задні лапи.

— Чого ти від мене хочеш? — прошепотів батько до Лиса. Невже він його боїться?

Звір підступив ближче та всівся, величаво обгорнувши лапи хвостом. Раптом з-за найближчого дерева показалась жінка. Худюща та бліда, аж сіра, вдягнена у якесь старе дрантя, що ледве її закривало. Брудне нечесане волосся жмутами звисало на всі боки, затуляючи її обличчя. Вона зробила кілька кроків босими загрубілими ногами та стала за Лисовою спиною.

— Ми прийшли по своє, — промовила вона.

— Ми все вам віддали. Все, чого ви хотіли. Все за угодою.

— Угоди нема. Ви зламали її.

— Неправда, — рикнув батько. — Я жив за нею! Не тікав з лісу, вам зла не чинив, на землі ваші не ступав.

Лис форкнув та вищирився.

— Але він ступив! — Рука жінки встромилась у бік Юрка. — Його життя наше.

Юркові обірвалось серце.

— Життя? — хрипнув батько. — За прогулянку у вашім чортовім лісі?

— За угоду. Ти знаєш її ціну.

— Життям? Життям хочете? Тоді тримайте! — мовив чоловік та витягнув з-за пояса ножа. З литки аж полилося, та він не звернув уваги. «Невже погодиться? — перелякався Юрко. — Татку… Таточку… Не треба. Будь ласка…»

Батько хапонув повітря ротом та скрикнув:

— Волане!

Вірний пес неохоче відступив від Лиса та позадкував до хазяїна. Батько поклав йому на морду тремтячу руку, почухав пласкии мокрий ніс і прошепотів:

— Пробач, друже.

І полоснув по собачому горлу. Пес осів на землю. З його шиї бризнув червоний струмінь.

— Ось! — скрикнув батько. — Хотіли життя? Забирайте! І відпустіть нас!

Жінка зробила крок до собачого тіла та пхнула його палицею. Лис занурив довгого язика в криваву калюжу. Юрко пригадав сон у вовчій ямі, і зрозумів, що йому не примарилось.

Лис облизнувся та підняв очі на жінку. Вона повернулась до батька та промовила:

— Непогано. Але мало. Тепер хлопчик.

— Облиште його, — заслаблим голосом хрипнув батько. — Він має жити.

Лис нетепляче змахнув хвостом. Жінка зробила крок до Юрка та ткнула палицею в його ногу. Від болю хлопчик аж скрикнув.

З-під ганчір'я проступив жовтуватий гній.

— Він смердить, — відрізала жінка. — Нащо гниле м'ясо?

— Це — не м'ясо, — прохрипів батько. — Це — моє дитя. Останнє. Він ще зовсім малий, нічого не зробив... Заберіть моє життя, залиште його.

— Люди не потрібні. Ані великі, ані маленькі.

— А сама ти хто? — глянув батько їй в лице.

І... усміхнувся? Точно. Усміхнувся. Щасливо й дурнувато, примруживши мокрі очі.

— Ларочко? Донечко, це ти?..

Лис скочив та рудою блискавкою застрибнув йому на шию.

— Тату! — скрикнув хлопчик.

Батько розпластався на землі. Його щасливі очі завмерли.

Юрко був сам. Тепер вже точно.

— Відпустіть, — прошепотів він, душачи сльози. — Будь ласка, не вбивай мене... Ларо...

— Ти й так помреш, — промовила сестра. — Нащо тягнути?

— Я можу піти. Я вас покину, навіки. Просто пустіть.

Лис презирливо глянув йому в очі.

— Ми тебе не поведемо, — промовила жінка.

— Не треба. Я вже ходив туди. Я знаю, де люди живуть.

— Там нема людей. Вони давно втекли. Якщо встигли.

«Вони захищались», — наче почув Юрко батьків голос.

— Просто залиш мене... сестро. Отут. Я піду... відповзу геть, — прошепотів він. — Відпусти, будь ласка.

Жінка наче завагалась. Лис зміpив Юрка довгим важким поглядом, втягуючи повітря носом. Потім підняв очі на дівчину. На мить у Юрковім серці зажевріла надія...

— Ні.

Тельбухи наче підкотились йому до горла.

— Чому? — ледь чутно спитав він.

Лара перевела погляд на Лиса:

— Поки ви слабкі, вас треба вбивати.

Звір опустив голову у мовчазному схваленні.

Дівчина схилилась та зімкнула руки на Юрковій шиї. Перед очима усе поплившо. З останніх сил хлопчик вчепився їй у пальці.

Розкрита паща Лиса наближалась. Його ікла були сніжно-білими.

Учень Чаклуна

Поліна Горєлова

Ясек став тринадцятим учнем чаклуна; по ньому вже нікого не брали. Та й добре — бо й без того тісна кімнатка учнів ледве вміщувала і цих.

Тоді, коли Ясек ще пам'ятав запах свіжих квітів і обличчя матері, учні чаклуна видавалися йому дивними: хлопчаки від тринадцяти до шістнадцяти, різні зовнішністю і статурою - навіть однакові небілені сорочки не додали схожості. Та спільне все ж мали: у кожного була якась дивна особливість — хвостик, шостий палець, величезна пляма... Сам Ясек мав одне око каре, друге - сіре, і через те його з дитинства не любили у селі.

По-різному потрапили сюди ці хлопчаки — кого у карти програли, кого запродали, хто сам прийшов... Невідомо, де, але назбирав їх чаклун за півроку по усій країні аж тринадцятеро, а Ясека об'явив останнім. Ясек не мав права суперечити, але його, п'ятнадцятилітнього, через ту «останність» вважали за молодшого, і те йому не подобалось.

Однак, загалом, між собою хлопці дружили, і вечорами, коли натомлювались не надто сильно, любили разом сидіти біля комину і травити байки, а шестипалий Яків, котрий не вмів гарно розказувати, учився ворушити своїм недорозвиненим пальцем, і всі сміялися, наче над бродячим артистом...

А ночами Ясек згадував материні руки, поле за селом... і вітчима, який радо віддав «байстрюка» чаклунові у служки.

Ясек скоро розучився плакати по ночах, бо нема коли було шмарклі розводити: дивне «служіння» полягало в тому, щоб ходити за чаклуновою худобою, мести йому в хаті і ніколи не заглядати до підвалу. Добре хоч їжею та посудом займалася чаклунова дочка — мила і тиха дівка, котрої сам чаклун не любив за те, що урвала рід відьмарів (по жіночій-бо крові чари у його сім'ї не текли, а сина він так і не зачав).

Зате учні ой як любили — в тендітного дівчиська не ставало сил відбиватися від молодих палких коханців.

Ясек її не чіпав, і за те вона йому усміхалася. Усмішка в неї була гарна, хоч кількох зубів у ній уже бракувало.

Так і жили вони — місяць, другий... На третій Ясеків місяць у домі чаклуна (а Тимішу, «старшому», він був уже дев'ятий) невідомо куди зник чотирнадцятилітній смаглявий горбань Вацек. Просто пішов поратися біля курей і не вернувся до вечері.

Ясек сумував за ним — Вацек мав лагідну вдачу, а ще ніколи не доїдав свого хліба, який би голодний не був, і решту можна було забрати...

Тиждень по тому жаліли за Вацеком, а потім не до нього стало - зник Тиміш.

Орест... Михась... Анджей...

Пішов на річку. Послали на поле. Відбіг по вітру сходити. І лиш питав їх чаклун щоразу, чом не вгледіли, і від злості дрижали у нього вуста, та очі лишались холодними. А учні відповідали майже по-біблійному — «чи ми сторожі?».

Ночами Ясек тепер не плакав за матір'ю, а тишком-нишком вирізав імена

пропалих товаришів на дощечці ліжка, під периною. Доводилося ховати і ножа — батьків подарунок, який чаклун би звелів просто викинути, бо не любив «холодного заліза» — і написи, і навіть стружку. Окрім заліза, не терпів чаклун і згадок про тих, хто щез. І це працювало — навіть Ясек з його різьбленням скоро почав забувати...

Скільки було учнів у чаклуна? Дванадцять? Десять? Сім? А, яка різниця. Лишилося одначе шестеро... п'ятеро... четверо...

Коли їх зосталося троє, тиха чаклунова дочка затиснула Ясека у кутку і гаряче прошепотіла:

— Чаклун... він обряд готує. Ви ж усі... трохи відьмарі. Ото як тринадцятьох відьмарів убити, і зварити плоть їхню в одному котлі... можна мало не всемогутнім стати. Спини його, Ясеку, і убий. Утечем ми звідси, і буде у нас будинок, і діток троє...

Та потім вона замовкла, і очі у неї зробились порожньо-скляні. А наступного дня учнів у чаклуна зосталося двоє, і фокуси Якова перестали здаватися смішними...

Ясек дивним, якимось нутряним чуттям знав, що спочатку чаклун прийде не по нього. Може, одинадцять хлопчаків перед ним теж думали, що їм нічого не загрожує — або так само вважали, що наступним буде хтось інший? Однак, хто знає, — все ж на сей раз чуття не обдурило тринадцятого учня чаклуна.

Одного ранку ліжко Якова виявилось порожнім і таким лишилось назавжди — із зім'ятою ковдрою і прим'ятою подушкою.

Коли Ясек лишився сам, він більше не ховав ножа, тримаючи його якщо не у руці, то в рукаві. Він перестав спати і повертатись до чаклуна спиною - але тиждень нічого не відбувалося. Мабуть, чаклун сподівався, що останній учень його виснажиться, втратить пильність — і Ясек справді був близький до того.

Млосна хвиля розливалася тілом, перед очима миготіли спалахи нетутешнього зеленого вогню, а на межі слуху лунав жіночий голос. Чи то матір йому ввижалась, чи справді кликала чаклунова дочка, він так і не дізнався. А потім він сам не усвідомив, коли і нащо зайшов до підвалу, куди ходити заборонялось. І тут теж не знав — то запаморочена від недосипу свідомість підкинула якийсь манівець, або ж схотілося припинити свої муки якнайшвидше.

Підвал собі як підвал був — підгнилі яблука, голівки капусти, кам'яні холодні стіни. Ясек спочатку мало не розчарувався — то чаклун боявсь, що вони яблука покрадуть? Але потім затуманений втомою погляд вихопив дивні, майже непрозорі склянки, розставлені попід замшілими стінами... і велетенський казан з варивом тьмяно-рожевим, що смерділо гниллю і засохлою кров'ю, густим, як кисіль. А на поверхні варива плавала, наче дохла рибина, шестипала рука.

— А що ти тут забув, сучий сину? — пролунав іззаду голос чаклуна. — Що шукаєш, байстрюче? Смертоньку свою?

Втома відступила кудись за межі свідомості, і тіло сповнилося дивним теплом і в той же час — завзятою рішучістю, яка завше передує молодецьким забавам.

— Ні, учителю, — жорстко всміхнувся Ясек. — Твою.

Ніж ховався у його рукаві, чатуючи на поживу, ніби мисливський сокіл. Проте ще рано було його витягати — чаклун одначе сподівавсь, що Ясек натомлений, беззбройний і борсається просто у намаганні відтягнути неминуче. І дійсно — чаклун не нападав перший, стояв незворушно і дивився на Ясека з докором.

Ясек вдарив перший. Просто, як навчили у вуличних бійках ціною вибитих зубів і зламаних кісток: майже не замахуючись — у підборіддя, аби потім коліном додати у живіт і на добру хвилину змусити суперника сліпо корчитись від болю. Однак, схоже, у бійці з чаклуном цей прийом був нічого не вартий - він перехопив хлопцеву руку біля самого обличчя та різко повернув зап'ясток суперника. Але начебто не зламав: принаймні, біль був не надто сильний і не затьмарив свідомості.

Ясек, намагаючсись звільнити руку, все ж ніяково замахнувся коліном. Не встиг — другою кістлявою рукою чаклун вхопив хлопця за ногу, порушуючи і без того хитку Ясекову рівновагу та змусивши його впасти на землю. Ясек витріщив очі, коротко,

перелякано скрикнув — і слухняно повалився.

Навіть борсатись він вже не пробував — спрямував погляд кудись угору і зашепотів молитву. І, мабуть, був не перший, хто так легко здавався, бо чаклун, боляче впершись коліном хлопцю в живіт, почав неквапом шукати щось по складках одягу. Нарешті показався замотаний, наче немовля, згорток, з якого хижим пазуром стирчало металеве вістря. Ганчір'я опало на підлогу, і лиш рукоять доброго ножа лишилася вкрита бурою від крові хусткою.

Краєм ока Ясек бачив, як тягнеться до його грудей тьмяне лезо, і лиш за мить до удару... залізо брякнуло об залізо. У погляді чаклуна промайнуло здивування і — також лише на мить — розгубленість. Цієї нескінченно довгої миті Ясекові також вистачило, аби вп'яти вірного ножа в ногу чаклуну, змусивши того скрикнути від болю, наче його живцем палили, і відсахнутися. Ясек піднявся звірячим стрибком з підлоги і довгим, нескінченно довгим рухом, який чаклун одначе не встиг спинити, всадив ножа знов у чуже тіло — цього разу, у пульсуючу синю жилку на вражій шиї.

Зарізаний відьмар лежав горілиць, і видавався у смерті своїй набагато старшим.

Що тепер мав робити учень без свого вчителя? Можна було вилити моторошне зілля подалі, вбити чаклунові у груди осиновий кіл та й жити довго і щасливо з його донькою. І діток троє, і в молодшого сина — дідові холодні очі...

Можна було. Та не хотілося.

Наче хто йому підказував, що робити, Ясек вправно узяв ножа і легко відділив чаклунову ліву руку від його тіла. Кинув до котла. Абияк запалив під ним вогонь - добре хоч, огниво чаклун недбало лишив поблизу. Чомусь дуже важливим видавалося дочекатися, доки закипить, однак це сталося неприродньо швидко — тьмяно-рожева поверхня пішла великими бульбашками, що з шипінням лопалися.

Подивившись на них зо хвильку, Ясек, не боячись опіків, зачерпнув і випив повну пригоршню мерзотного варива. Світ в останній раз млосно здригнувся, стовпом здійнялося від котла чи то примарне, чи справжнє зелене нетутешнє полум'я, востаннє скрикнув щось нерозбірливе знайомий жіночий голос — і все затихло.

Переможна посмішка перекреслила молоде чоловіче лице, наче тріщиною розколовши личину юного сумного простачка. Блиснули у темряві очі, одне каре, друге сіре. Тепер вже не він служитиме — йому служитимуть, не над ним сміятимуться — він сміятися буде.

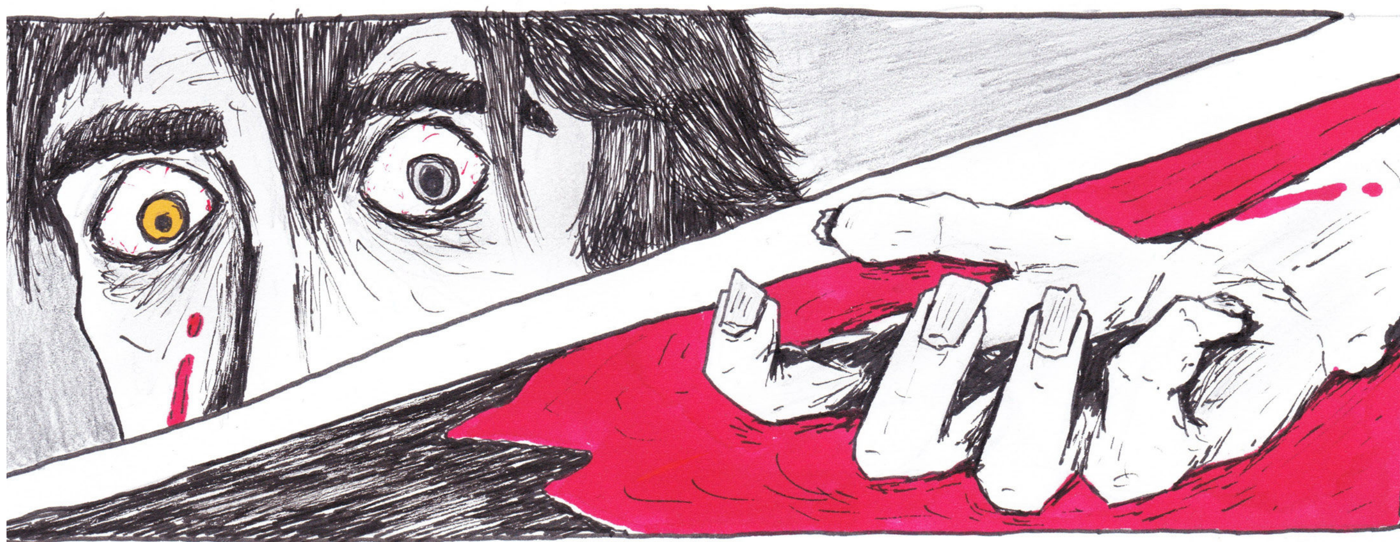
Спочатку новий чаклун пішов до доньки того, колишнього. Вона йому спершу зраділа, а потім побачила знайомий блиск в очах, лице, що раптом стало чужим — і відкрила рота у німому крику. Він повалив її на землю ударом кулака, а тоді відімстився її свіжому тілу за усю її відьмарську породу, не чуючи відчайдушних її криків — вона ніби не вірила, що все відбувається насправді. Не вірила вона і тоді, коли спраглий до поживи ніж вп'явся їй у груди.

Новий чаклун вирізав у неї серце і з'їв — тепер йому подобався смак плоті.

Начебто на лад все пішло. Тільки ножа шкода, довелося викинути другого дня — залізо пекти почало. Можна було, звісно, шукати по книгах того, колишнього, як тримати ножа, аби самому не шкодив, але спочатку лінько було. А тоді пішли справи...

Треба ж, врешті-решт, і собі учнів шукати.

ІЛЮСТРАЦІЯ: ТІМ МОСОЛОВ-КОХАНОВСЬКИЙ

Морская байка

Тимофей Мосолов-Кохановский

В субботу в таверне как всегда было людно. Воскресенье — святой день, поэтому в воскресенье почти никто не пьёт, а вот в субботу — хоть отбавляй. Ко всему прочему, улицы приморского города накрыл проливной дождь, какие часто приходят в ранние дни весны, смывая с тротуаров остатки февральского снега и сгоняя новоприбывших моряков в ближайшее заведение, где подают еду с печи и горячительное из новенькой бутылки.

Все столы были заняты компаниями по дюжине человек. Когда стульев перестало хватать, садиться стали на мешки с вещами, пустые ящики из-под пива или же просто на пол. Между столами, словно лодка меж островов, сновала хозяйка таверны с подносами в руках — миловидная молодая девушка, на которую время от времени заглядывались подвыпившие матросы. Молодой моряк с рыжими усами играл на гармошке, а группа бывалых морских волков хриплыми голосами распевала песни об охоте на китов, подводных чудовищах и долгой дороге в родной порт.

В одиночестве сидел только старик. Он сидел за барной стойкой — хмурый и немногословный, одетый в тёмно-синий китель. Из-под седых усов торчала короткая трубка, и пепел из неё время от времени путался в густой бороде. В больших руках он держал бутылку пива, а на его костяшках была набита надпись «HOLD FAST» — чтоб в шторм не улететь за борт. Недалеко от старика, будто сторонясь его из уважения или страха, расположилась, обмениваясь мыслями и переживаниями, тихая компания.

— Эх. Ну, дела. Месяц назад и не подумал бы, что буду так скучать по жёнушке. А сейчас — глянь на меня! Ни минуты, чтоб я о ней не вспоминал.

— Да, я тоже о ней вспоминаю.

— Иди ты! Бог мой. Чего бы я не отдал, чтоб сейчас быть с Кетти.

— Да, я тоже.

— Я те сказал иди к чёрту, хмырь гнилой. Я тебе душу изливаю, а ты шутки шутишь.

— Ну всё, всё, извиняй. Перебрал, так сказать, малость.

— А вообще, где это сказано?..

— Чего сказано?

— Где это сказано, что — ик — что нельзя брать жену с собой?

— Везде.

— Где?

— Нельзя и всё тут.

— Где это...

— Послушай... Нет, ты послушай! Нельзя, так сказать, брать женщину на корабль. Нельзя.

— Почему?

— К беде.

— «К беде». Никому ещё хуже от — ик — дамы на корабле не было.

— Прямо и никому.

— А кому?

— А вот кому. Ты ж, так сказать, слышал историю про «Деву Марию»?

— Кто не слышал? Вот кто не слышал? Если кто не слышал, то

завтра пусть пойдёт в церковь и...

— Та не про ту Марию, пьяный ты дурак. Я про корабль.

— А-а-а-а... Корабль?

— Ну.

— «Ну-ну», рассказывай давай.

— Не слышал, значит. Ну, рассказываю. Был, значит, когда-то королевский фрегат, и назывался он «Дева Мария». Большой, сильный корабль. Могучий, так сказать. И был у «Марии» Капитан — такой же, как корабль. И ходили они по всем морям и океанам, и через экватор, и даже в Китай. Ходили они двадцать лет, и двадцать лет всё у них было хорошо, так сказать: ни одна буря их не потопила, ни один пират не осмеливался к ним и на сто миль подойти и не ловили их в свои сети сирены. Команда была, как на подбор — все молодцы, крепкие ребята, каждый не раз в битве побывал, и каждый невредимый вернулся. Однажды, зашла «Мария» в один ирландский порт, чтоб пополнить запасы воды. Сошла команда на берег, и вместе с ними Капитан. Набирает он воду, и тут видит — красавица, каких не бывает: волосы до пояса, ручки нежные, щёчки румяные. Влюбился Капитан по уши, и красавице он также приглянулся — тут и поженились.

— Любовь!

— Именно что, так сказать, любовь.

— Что дальше?

— А дальше продолжила «Дева Мария» своё плавание. Но теперь Капитана будто кто подменил: всё его тянуло назад, к своей ненаглядной, будто она его приколдовала. Раз вернулся, два вернулся, а на третий не выдержал и взял её с собой на фрегат.

— И что случилось?

— Ты слушай, мы подходим, так сказать, к развязке. Семь дней проходила «Дева Мария» с женой Капитана на борту. Семь дней их бил шторм невиданной силы, и семь дней нападали на них гигантские столетние кашалоты из самых пучин океана. Так было, пока ночью с субботы на воскресенье не ударила в мачту молния, и «Дева Мария» сгорела, как стог сена, и пошла на дно. Вся команда погибла, кроме Капитана, погибла и его жена. Однако, поговаривают, будто она превратилась в морскую тварь, ведь и при жизни была ведьмой — поэтому, собственно, корабль и утонул.

— А что с Капитаном?

— А Капитан состарился. Но ходит слух, что, раз в семь лет, в день, когда «Дева Мария» сгорела, в ночь с субботы на воскресенье, выходит Капитан на берег, и к нему из воды выходит морская тварь, и они любят друг друга так, как много лет назад. Вот это, так сказать, конец истории.

— Красивая история.

— Красивая.

— Только вот в наше время такое — ик — не случится.

— Это ещё почему?

— А потому, что пароходы не тонут.

— Ты головой ударился? Ещё как тонут. Особенно с бабой на борту.

Старик не стал дальше слушать их разговор. Он выбил трубку в пепельницу, допил пиво, надел на свою лысую голову старую фуражку и скромно попрощался с хозяйкой таверны.

За дверью всё ещё шёл ливень. Старик поднял ворот кителя, поджал плечи и, сунув руки в карманы, пошагал вдоль трепещущих на ветру огоньков фонарей. Пройдя вниз по брусчатой улице, он свернул налево и оказался в порту. Здесь его окружили высокие мачты, тяжёлые металлические борта и сонные рыбаки. В самом конце причала, у низкого деревянного пирса, стоял небольшой, раскачивающийся на волнах баркас. На его борту была аккуратно выведена надпись: «Дева Мария II». Капитан взошёл на борт корабля, закрылся в рубке и зарядил дробовик.

Иллюстрация: Тимофей Мосолов-Кохановский

ДРУГ В ТУМАНЕ

Папужка

У меня есть друг. Он немного странный и всегда молчит. Про что бы я его ни спрашивала, он только немо смотрит мне в глаза. Ну что ж, некоторым людям и не обязательно уметь разговаривать. К тому же, мой друг не совсем человек. Хотя давайте по порядку.

Туман, густой и молочный, был здесь всегда, сколько я себя ни помню. Наверное, поэтому наш маленький городок назвали Туманным или Городом-Призраком.

Я люблю туман. Почему?

Наверное, потому, что иногда он может укрыть меня от незадач или просто спрятать — не важно, от кого. Мама, гладя по голове, не уставала повторять:

— Запомни, Вита, чтобы жить хорошо, нужно научиться дружить. Вот туман. Не злись на него, если вдруг он ненароком тебе навредит — это вышло случайно. Научись любить, и не пропадёшь, когда нас с папой не станет, — мамина рука указывала на окно, и я всегда поворачивала в ту сторону голову.

А ещё наш домик последний в городке. Совсем. Папа говорил, что всё исчезло ночью, когда они с мамой крепко спали, и с тех пор солнце никогда не грело нашу крышу.

Меня не пускали далеко, поэтому я долго не знала, что за окраиной, и мне почему-то казалось, что там пусто. Ни деревьев, как в саду у бабушки Любы, ни травы, как в парке у школы. Просто земля, а может быть и камни, пустые и мёртвые.

Но кроме тумана был ещё кое-кто.

Там, за окраиной, всегда-всегда стоял силуэт, очень похожий на огромный гриб с круглой, «зубастой» шапкой и тонкой ножкой.

Я никак не могла понять точно, кто он, но мне было очень жаль Силуэт Гриба.

Он стоял в том поле один, без друга, а я по себе знаю, каково это — стоять одной. И молчать, молчать, молчать...

Мне очень хотелось подойти к Грибу, заговорить с ним, даже если он простой гриб, но это бы означало не послушаться маму. Или послушаться, но бабушку.

Бабушка Люба любила ходить по своему саду и гладить стволы деревьев, поливать цветы, что-то им шептать.

— Бабушка, зачем ты разговариваешь с растениями? — как-то спросила я.

— Чтоб им не было одиноко.

— А что, деревья тоже чувствуют одиночество?

— Конечно. И цветы, Виточка, и пчёлки. Посмотри, какие бутоны, как старательно над ними жужжат трудяжки. Правда же красиво?

— Очень красиво!

— А теперь представь, если их никто не будет хвалить, разговаривать с ними, поливать, ухаживать...

Я задумалась.

— И что будет?

— Они зачахнут и больше не смогут расцвести так же красиво, как сейчас.

— Будет очень жаль...

— О, не расстраивайся. Главное, не забывай про них, и тогда твоя клумба будет самой красивой и ароматной среди всех других клумб, а пчёлы на ней будут собирать самый вкусный мёд.

Меня позвала мама, и я убежала. Я не стала говорить, что жужжания не было слышно, а цветы совсем не пахли — бабушка

бы только нежно погладила меня по голове, улыбаясь чему-то своему.

Но с тех пор я очень стараюсь обращать внимание на всех вокруг.

Наверное, поэтому мне было так жаль Силуэт Гриба.

* * *

Однажды я попросила маму отпустить меня немного дальше, чем обычно. Она спросила, зачем, а я ответила, что хочу познакомиться с Силуэтом Гриба. Мама помолчала немного и разрешила, но отправила со мной папу. Я хотела было уговорить их, что пойду одна, но потом подумала, что, может, с папой Грибу будет ещё веселей, и мы собрались в дорогу. Мы всегда собирали вещи в дорогу.

Я вышла на крылечко и указала в сторону окраины.

— Он вон там.

Папа сколько ни всматривался, увидеть Силуэт не смог, и, видно, из-за этого расстроился. Так что вела за руку я, и чувствовала себя очень взрослой.

Но через несколько шагов я замедлилась. Что-то подсказывало, что Гриб не рад папе.

Видно было недалеко, примерно шажков на десять, но Силуэт Гриба я видела хорошо. Наверное, только из-за шестого чувства я ничуть не удивилась, когда он растаял в тумане, только мы подошли достаточно близко, чтоб его лучше рассмотреть.

Я вздохнула.

— Что такое, солнышко?

— Не надо было идти со мной, папочка.

— Почему?

— Гриб не любит, когда рядом ты.

— А ты раньше ходила к нему? — вдруг спросил папа, и я помотала головой.

— Тогда, может, грибу не понравились мы?

— «Мы»? То есть, даже я? — удивилась я.

— Может быть. Я, например, так его и не увидел.

— Но мы же были совсем-совсем близко, папочка!

— Наверняка я просто не могу увидеть то, что видишь ты, — улыбнулся он.

— Как это?

— Понимаешь, Вита, есть люди, которые умеют видеть обычные вещи, как, например, дом или туман. А есть те, кто может *видеть*. Прошлое, будущее... и даже По Ту Сторону Мира!

— Правда?

— Правда. Ведь, похоже, ты как раз и умеешь видеть. Ещё когда ты была во-от такая малютка, ты вдруг убежала из дома. Ох, как мы перепугались с мамой! Я пошёл тебя искать, а мама осталась дома, вдруг ты вернёшься сама. И знаешь что?

Я помотала головой.

— Ты действительно пришла, только не одна. За руку тебя держал кто-то, кого из-за густого тумана твоя мама разглядеть не смогла. Ты весело о чём-то угукала, чуть ли не подпрыгивала, а ведь с самого рождения ты была тихоней. Чёрный высокий силуэт всё молчал и слушал тебя, но только вы приблизились к дому, как ты радостно побежала к маме, а силуэт будто всосался в воздух, как только твоя рука выскользнула из его материи. После того ты ещё целый день резвилась и болтала, а на твоих щеках впервые появился румянец.

Я не знала, что ответить, и мы вернулись домой молча.

* * *

На следующий день я пошла без папы. Оставила записку и рано-рано утром, взяв с собой два пряника, отправилась в путь, пока родители спали.

Теперь я знала, что нельзя подходить слишком близко, и села поодаль.

— Привет, — сказала я Силуэту Гриба. Тот промолчал. — Ты, наверное, не очень любишь разговаривать? Я тоже... Мама с папой постоянно о чём-то говорят, а я их только слушаю. Скажи, а ты тоже только слушаешь? Папа мне вчера как раз рассказал историю, и я уверена, что тебе она понравится.

* * *

Так я приходила день за днём.

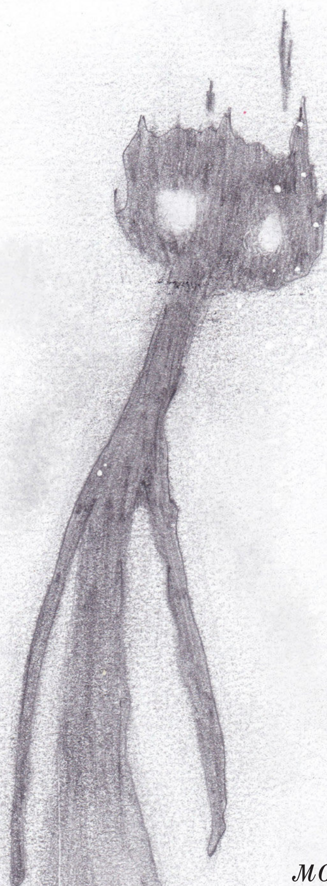
Делилась переживаниями, радостями, просто молчала с Грибом за компанию и оставляла пряники, которые заботливо пекла мама. На следующий день их там не оказывалось, и я ужасно радовалась.

Иногда, когда чувствовала, что можно, я придвигалась к Грибу на один шаг.

Так текли недели, месяцы, годы...

Он стал мне очень близким, молча понимающим всё другом.

Однажды, в один из таких же дней, что-то подсказало мне, что я могу на него взглянуть...»

Ручка в нерешительности замерла над листком бумаги, и это промедление словно почувствовали.

— Вита, иди обедать! Сегодня твои любимые пряники на десерт! — донёсся из недр дома мамин голос.

— Уже лечу! — вскинулась девушка, положила ручку на незаконченные строчки и направилась к двери, как вдруг распущенные волосы зашевелились от ветерка. Вита удивлённо застыла, ощущая всё более сильное дуновение воздуха у щеки. Спустя миг сообразив, она резко обернулась, отчаянно бросилась к столу у окна... Но было слишком поздно.

Листок с тихим шорохом выбрался из-под пишущего прибора и невесомым пёрышком закружил вдаль, скрывшись в густом покрове тумана.

Девушка всё стояла и вглядывалась за молочный занавес, как вдруг увидела знакомую фигуру и улыбнулась.

Так вот чего ты желаешь.

А зазубренная шапка шевельнулась, вороша туман. «Пора, Вита» — говорила она.

Пора... Что же. Значит, так тому и быть.

С тех пор исчез таинственный Гриб, исчез туман... И мама, которая после долгого отсутствия Виты за обедом зашла в её комнату, нашла лишь пару пустых листов да открытое окно.

У меня есть друг. Он немного странный... И всегда молчит. Про что бы я его не спрашивала, он ничего не говорит и только пристально смотрит мне в глаза. Ну что ж, кому-то и не обязательно уметь разговаривать. Зачем говорить, если достаточно понимать?

Когда вы вдруг встретите средь густого тумана силуэт — не пугайтесь. Это мой друг гуляет по своему дому, и это значит, что где-то рядом есть одинокий человек, нуждающийся в поддержке. Отыщите в тумане его и обнимите, подставьте своё плечо. А взамен...

Иллюстрация: Тимофей Мосолов-Кохановский

КАСАНИЯ ПАЛЬЦЕВ И РАЗГОВОРЫ О СНАХ

М. Ц. Таубе

Лапша на языке Ким Фэн превращается в червей, и её судорожно рвёт на стол. Задыхаясь, она смотрит, как чёрная масса внизу копошится стаями тараканов и многоножек, как удлиняются тени, искажаются лица экипажа в столовой. К ушам подкрадывается знакомый шёпот на невообразимом языке, но Ким Фэн не успевает закричать от ужаса и обратиться в ничто.

По телу проходит электрический импульс, и видение исчезает. На сетчатке глаза всплывает сообщение от программы: *«Ликвидировано внешнее воздействие на разум. Подключена имитация вкуса продукта #13-155»*.

Пальцы Ким Фэн судорожно выстукивают неизвестный ей ритм на столешнице, и, словно подвергаясь какой-то мантре, дыхание выравнивается. Лапша в тарелке снова выглядит нормально, но Ким Фэн не берет её палочками.

Она знает, что подключённая программой имитация не имеет того маслянистого вкуса, того богатого острого оттенка, который она помнит ещё с тех времён, когда сидела на маленькой бабушкиной кухоньке и смотрела из окна на аэрокары. Этот был уже не первый случай: сначала был кофе, потом все виды риса, какие были на корабле, мясной суп и плитка любимого шоколада, которую Ким Фэн тайно пронесла на борт двадцать лет назад.

Ким Фэн поднимается из-за стола и, стараясь не привлекать внимания, отправляется в уборную. Там она сползает по стене и закрывает лицо руками: плакать у неё не выходит, потому что пять лет назад программа заблокировала слёзовыделение после того, как Древний заставил Ким Фэн верить, что та плачет жидким огнём. Так что Ким Фэн просто стискивает ладони в кулаки и прижимает их ко лбу, и раскачивается взад-вперёд, оплакивая ещё одну частичку себя, которую у неё отобрали.

Так проходят двадцать лет на борту «Нашера». Пока человеческий флот прорывается сквозь космос навстречу Древнему в отчаянной попытке нанести сокрушительный удар, Древний заражает Ким Фэн и остальных ростками безумия. Программа адаптируется под галлюцинации и навязчивые мысли и стирает их источники из восприятия. Безумие находит новые лазейки. Программа их закрывает.

Ким Фэн превращается в жалкие ошмётки разума в чужом теле.

После завтрака она отправляется на смотровую палубу, где у огромного иллюминатора стоит высокая фигура Альмы. Прохладный свет играет с её смуглой кожей, а лицо... Лицо расплывается, потому что три месяца назад Древний заставил Ким Фэн верить, что кожа Альмы покрыта трещинами, изо рта вырываются щупальца, а глаза залиты смолой. Программа стерла Альму из восприятия Ким Фэн. Теперь ей осталось только смотреть на её руки и слушать тихие осторожные слова.

— Сегодня мне снилась Барселона, — говорит Альма с улыбкой в голосе. Они стоят бок о бок и смотрят на туманность в иллюминаторе. Их пальцы едва касаются друг друга, и Ким Фэн хочет судорожно сжать её ладонь и не отпускать, пока тепло Альмы не вернёт Ким Фэн её тело. — Я стояла на балконе, и закатный свет играл с коваными перилами, а воздух пах землёй, кофе и теплом.

— А мне, — говорит Ким Фэн, — снился коралловый риф. Лазурная вода переливалась на солнце, такая солёная, что щиплет язык, а мимо проносились стайки блестящих рыб.

Это ненастоящий сон. Программа заменила сны Ким Фэн в самом начале полёта, как только они обратились в кошмары. Она отрывисто помнит, что ей снился дом, снились её дети и их ежедневные игры в догонялки на парковке жилого комплекса.

А теперь она даже не помнит их лиц — их отняла программа. Стёрла с фотографий, заменила голоса имитацией. Отобрала странное чувство юмора, привязанность к напарникам, редкие моменты наслаждения перемигиванием огней на панелях, привычку елозить в кресле, чтобы почувствовать скрип кожи, и ещё много вещей, о которых Ким Фэн даже не помнит.

Вместо этого она дала Ким Фэн ненастоящие сны, необъяснимую потребность стучать пальцами по бедру в моменты тревоги, и ещё много вещей, о которых Ким Фэн даже не подозревает.

Но она не может сказать Альме, что сны ненастоящие. Ким Фэн хочет каждый день приходить на смотровую площадку и соприкасаться тыльными сторонами ладоней, хочет оставить за собой хотя бы это. Хочет сказать Альме, как ей нравится просто стоять рядом и смотреть вместе на туманность.

Но Ким Фэн молчит, не решается тревожить то единственное, что у неё осталось. Перерыв заканчивается, и они расходятся в разные стороны, каждая на свой пост.

Когда Ким Фэн просыпается на следующий день и смотрит мимоходом на личную статистику, количество правок программы увеличивается с 2159 до 2160.

Она даже не знает, что у неё отобрали на этот раз.

Альма ждёт на смотровой палубе в то же время, что обычно. Ким Фэн трясёт от страха: что у неё отняли? Что отнимут ещё? Отнимут ли эти мимолётные касания пальцев

и разговоры о снах?

Отнимут ли до того, как Ким Фэн соберётся с силами и скажет Альме, что весь её мир держится только на этих моментах?

— Сегодня, — начинает Альма, и её голос такой же тихий, такой же красивый, как обычно, и Ким Фэн расплакалась бы от облегчения, если бы могла, — мне снилось маковое поле. Ветер гонял пыльцу из стороны в сторону, в воздухе витал пух, а сухие стебли скребли друг о друга, словно перешёптывались.

В горле застревает ком, но Ким Фэн решительно сглатывает, и с губ срывается судорожный вздох. Она скажет сейчас. Ким Фэн скажет сейчас, пока осталось хоть что-то от Ким Фэн, чтобы сказать.

— Альма... — начинает она, и едва не давится своими же словами.

Голос принадлежит не ей.

Это один из типичных женских голосов из стандартной библиотеки программы.

...их с Альмой встреча закончится через десять минут. После Ким Фэн закроется в уборной и ляжет на пол. Её ладонь прижмётся к щеке, глаза зажмурятся. Ким Фэн будет раскачиваться из стороны в сторону час за часом, пока Древний не найдёт эту лазейку, и программа в ответ на его потуги не выключит способность Ким Фэн испытывать горе.

А пока встреча не закончилась, Ким Фэн прижимается тыльной стороной ладони к руке Альмы, и слушает, как то существо, которое заняло её тело, произносит губами Ким Фэн:

— Сегодня мне снилась кошка.

Тик

Вероника Лелека

Тик.

Так.

Тик.

Так.

У стен есть глаза. У стен есть глаза и уши, ты не знала?

Тик.

Так.

Тик.

А ты думала, эти сероватые пятна и облупившаяся краска появились здесь от старости? О, как ты наивна.

Так. Тик.

Не смотри на них. Нет, правда, стой. Ты узнала, что это есть — вот и храни эту не в меру ценную информацию в своей памяти. Не рассматривай. Не рассматривай...

Так.

...да, не рассматривай так.

Неужели ты думаешь, что если ты будешь всматриваться в стены, они не посмотрят на тебя в ответ?

Стой.

Тик. Тик. Тик. Тик. Тик. Тик. Теперь уже слишком поздно.

Слишком поздно отворачиваться и отрицать очевидное.

Теперь будь смелой. Тик. Тик. Тик. Тик. Тик. Тик. Тик.

Теперь смотри им прямо в глаза.

Теперь они говорят с тобой. Они молчали всю твою жизнь, но больше они не хранят молчание. Они шепчут, они кричат, они подсказывают. Они шутят. Не думаешь же ты, что «Оставь надежду, всяк сюда глядящий» тебе говорят на полном серьёзе?

А нет, ты права. Это говорят не стены, это говорит дверь. Дверям лучше не доверять. Никогда не знаешь, куда они тебя заведут...

Тик. Тик. Тик. Тик. Тик. Тик.

Да-да. Читай, не отвлекайся. Говори со стенами. Задавай вопросы. Получай ответы. Слушай советы.

Следуй за шероховатой прохладой камня и его глухим голосом. Правдивей стен разве что зеркала.

Тик. Тик. Тик. Тик. Тик. зеркала

«Кто стоит у тебя за спиной?» Не отвлекайся. Помнишь, я говорил? Со стенами нужно осторожно. Если они тебя увидели, то больше и ты не своди с них глаз. Внимательнее. Всматривайся в серый камень. Не разменивайся на пустые тревоги. Не отворачивайся от стен, чтобы заглянуть за плечо. Ты непременно упустишь самое важное.

Тик. Тик. Тик. Если ты не слушаешь голос стен, то послушай хотя бы голос в твоей голове.

Тик. Тик. Тик. Тик.

О нет, девочка. Какая же ты глупая. Но, видимо, твоё время пришло. Здравствуй.

Тик. Тик.

Не трать драгоценное время на крик. Лучше подумай о своих последних словах. В конце концов, они — единственное, что от тебя останется.

У общения со стенами есть своя цена. Они хотят говорить и твоим голосом.

Тик.

Шпигун у жанрових рядах: омніпотентність сучасного горору

There's things that I'd like to do
That scare me through and through
So many frights I've known
Yeah, it's hard to let them go
— «F.E.A.R.», Joywave

Раз по раз я (та й інші члени нашої редакції) опиняємося у Тій Самій ситуації. Ми точно потрапимо у неї знову, коли опублікуємо цей випуск. Ця Сама Ситуація може трапитися і з вами, якщо вам подобаються тексти, котрі ми публікуємо.

Нас часто пришпилюють поглядом до стільця, світять надто-яскравою лампою в очі, як у старих сценах з допитами, і питають:

— А чому ти любиш горори? Як взагалі можна любити горори?

Сьогодні я хочу запитати у відповідь: а як можна не любити горори? І для тих, хто відповість мені «та легко», я маю ще кілька питань: а ви дійсно впевнені у цьому упередженні, чи ви просто не знаєте, що горори давно оселилися і у вашій улюбленій книзі?

Горори зараз усюди. Посперечаємось?

Для того щоб зрозуміти, як припущений мною горор опинився у вашій улюбленій періодичній драмі, нам треба повернутися до основ: що з себе представляє горор, як він працює, як розвивається, і чому наразі його вважають одним з найбільш трансформативних жанрів сучасного медіа.

Горором називають жанр, що важко покладається на виклик в читача страху, відрази чи шоку. Часто читацький переляк і є головною ціллю горорного твору, поряд із закріпленням негативної реакції на певні речі. Але зараз горори вже далеко не такі примітивні, і для ліпшого розуміння такої еволюції, я пропоную намалювати таймлайн.

Казки та легенди, котрими батьки жахали дітей, привчаючи їх обережности та послуху.

Горорами в теоретичному сенсі можна назвати і деякі давньогрецькі міти: наприклад, мітос про Емпус та інших демонічних істот, що пожирали необачних мандрівників, — це класичні "страшилки". Такі історії розповсюджувалися як застороги про небезпеки навколишнього світу.

Саме мотив застороги зберігається у горорах сторіччями: так розповсюджувалися історії про Влада III Цепеша, що перетворилися з часом на оповідки про Дракулу, та чутки про вбивства скоєні соратником Жанни Д'Арк, Жилем Де Ре — згодом, саме вони стали базисом для легенди Синьої Бороди.

Першим повноцінним предком горору, подібним до наших сучасних представників жанру, і засновником літературної готики, був роман «Замок Отранто» Горація Уолпола, виданий у 1764му році. Я знаходжу майже смішним що цей твір є також своєрідним прадідом гібридного горору та ергодичної літератури — перше його видання маркетувалося як історія нещасливого кохання у середньовічній Італії, котру автор лише переклав. Це була брехня, котру автор намагався підтримати з усіх сил, навіть притримуючись архаїчних форм тексту та використовуючи специфічні для епохи вислови.

Відгуки на «Замок Отранто» були найрізноманітнішими, і досі його жанрова належність не є одноголосно вирішеною: це і романтика, і готика, і періодична драма свого роду, і що найцікавіше для нас — горор, з яскравими описами жорстоких смертей, що

переслідують персонажів і як у кармічному стилі, і як діяння інших персонажів. Чи ж не це — жорстокість та смерті у таємничих обставинах — ми вважаємо ознаками горору? Чи ж не налякала читачів ця книга?

Готика, як найпопулярніший на той час жанр-послідовник праць Уолпола, стрімко розвивається, збираючи під своєю егідою безліч робіт — починаючи віршами Едгара Аллана По і завершуючи легендарним «Франкенштейном» Мері Шеллі. Саме ці твори згодом перетворюються в ікони горору, разом із їх численними перевтіленнями у нові формати, такі як кінофільми та вистави — і саме їхні мотиви досі можна побачити у творах сучасних майстрів горору.

У 20-му сторіччі горор розпадається на незліченні напрями. Екзистенційний жах та космічний горор творів Лавкрафта співіснує з примарними оповідками М. Р. Джеймса, продовжуючи готичну традицію, але світ міняється — світ осягає нові страхи.

Новими страхами суспільства стають серійні вбивці, ґвалтівники, атомна зброя та припущення можливости зомбі-апокаліпсису. Деякі з них, звичайно, є куди більш реальними загрозами, аніж інші, але вони всі розвиваються із мінімальною павзою між собою. Зі стрімким розвитком кінематографу жанр заповнюється новими субжанрами: відомими нам слешерами[1] та сплеттерами[2], жахіттями про сеанси екзорцизму, полишені вибухом Сатанинської Паніки[3], тру-краймом[4] та творами Кінга. Саме у 20-му сторіччі історія горору стає найцікавішою, і я хочу тимчасово зосередити вашу увагу саме на таких жанрах як тру-крайм та детектив, котрі спрямовані на розкриття діяльності серійних вбивць.

Розумієте, у той час як космічні та екзистенціальні жахіття були набагато більш цікавими концептуально, саме такі історії як «Американський Псих» та «Мовчання Ягнят» слугують стійким фундаментом для сучасних гібридних горорів.

Адже їхньою самоціллю не був страх — ні, нею була засторога, надання інформації про реальну загрозу серійних вбивць, тільки нещодавно здобувших собі офіційне визначення і стрімко заповнюючих теле- та радіоетери новинами про свої злочини. Серійні вбивці страшенно швидко розквітали Америкою, поліція тільки вчилася вирізняти такі речі як modus operandi та фірмовий почерк зловмисників [1], і саме ці новітні методики, саме життя і адаптацію психопатів до суспільства, їхні думки та їхні мотиви були висвітлені у вищезазначених книгах. Саме реальність цих творів жахає читача, а не висвітлені припущення, роздуми чи темна романтика, оспівана готикою.

Таким чином, із народженням криміналістики горор згадує свою основну і першу потребу — жахати актуально. А тепер роззирніться навколо і подумайте: що ж жахає вас? Відповідь доволі проста, якщо поглянути під таким кутом.

Нас жахає самий світ.

На відміну від поколінь минулого, масовий доступ до актуальної інформації та всесвітніх новин, включно із доступом до найрізноманітніших медіа минулого та сучасності, не дозволяє нам існувати у світі де може існувати абстрактна обітована земля. Наші предки шукали Рай; ми знаємо, що на Землі його вже не буде. Ми розбомлені інформацією про лиходійства політиків, вбивць, шахраїв та самог всесвіту — і горори, замість дарувати нам нові страхи, стали механізмом з адаптації.

Я поясню. Звісно, я не можу заперечити, що горори дарують дітям (та й деяким дорослим) нічні жахіття й специфічну фобію клоунів після першого перегляду фільму «Воно», але все більше науковців приходять до одного висновку: горори допомагають опанувати страх. Коли люди споживають горори добровільно, звичайно.

Коли ми переглядаємо чи читаємо горори і активно боїмося, у нашому мозку відбувається безліч фантастичних процесів, які я не буду описувати тут (в мене ж бо є ліміт по сторінках, а матеріали довгенькі), але забезпечу вас посиланнями на відповідні дослідження. Прямими наслідками цих процесів буде, по-перше, підвищення перцепції свого розташування у просторі, підвищення швидкості реакції, активізація центрів пам'яті та засвоєння інформації [2]. Поки ми налякані у контрольованому середовищі, ми краще розуміємо персонажів та глибше симпатизуємо

їм — це діє і на живих людей довкола нас.

Звичайно, ключове слово тут «контрольоване середовище», але якщо ви не читаєте горорну новелу у підвалі покинутого замку, по якому гоцає безголовий чолов'яга з сокирою і хоче вас зарізати, а сидите вдома, під ковдрою, чи переглядаєте нову «Пилку» у кондиціонованому залі кінотеатру — таке середовище буде контрольованим. У такому середовищі будь-яке споживання горорів буде проходити за подібною схемою:

Активація страху — Реалізація страху — Розвінчання страху [3]

Непрямими наслідками споживання горорів будуть підвищення розуміння своїх реакцій на страх та адаптація до них, почуття контролю над своїм переляком та емоціями [4]. Звичайно, наступають вони не одразу, а при регулярній експозиції — але є й моментальні наслідки. Ними будуть викиди ендорфінів та дофаміну, така собі цукерочка від мозку для вас, у нагороду за те що пережили напад Фредді Крюгера чи Енні Вілкс. Через цей гарантований викид дофаміну та почуття контролю, що він надає, перегляд горорних фільмів все більш широко приймається медиками як ефективний — і ледь не єдиний повністю контрольований — метод експозиційної терапії. Але й навіть без рекомендацій лікаря, горори вже роками використовуються людьми як копінгові механізми для боротьби з тривогою та пост-травматичними розладами [5], хоча б заради розвитку дисоціативних механізмів — можливости не співвідносити себе більше зі своїми страхами та травмою, і навчитися функціонувати і приймати рішення навіть під потужним тиском.

Питання того, чи не вчать горори людей спокійно сприймати вбивства, ігнорувати жахи кровопролиття та бігати по дитсадкам з рушницею, я чіпати не буду, тому що воно проживає в одній хаті зі схожим питанням про ігри-шутери, і я сподіваюся, що ви маєте змогу самостійно надати на нього негативну відповідь. (Якщо ні — чому ви це читаєте?)

Тепер, коли ми розуміємо як горори розвивалися і як саме вони на нас впливають, ми можемо підступитися до основного питання: як розвинулися гібридні горори, і як вони використовують наші біологічні реакції собі на користь.

На початку цього тексту я зазначила, що горор наразі є одним з найтрансформативніших жанрів сучасного медіа. На прикладі розвитку горору в історії я хотіла вам показати, що горор адаптується до актуальних страхів, криз та незгод, ефективно висвітлюючи проблеми суспільства, у якому він був написаний. *Горор — це дзеркало, у якому відображається усе найгірше, що у конкретний момент непокоїть суспільство.*

Оскільки зараз різноманіття наших незгод та фантазій лише росте, розвивається і горорна база. Зараз можна знайти будь-що адаптованим у горор, починаючи реальними проблемами та історіями, і завершуючи роздумами на кшталт «що буде, якщо моя Тойота Королла виявиться людоїдкою». Але всі ці твори використовують одну інструментальну базу, яку Елізабет Барретт назвала у своїх дослідженнях «Елементами Відрази»[6] .

Елементи Відрази поділяються на дві категорії — Присутність та Відсутність. Елементами Присутності будуть почуття безсилля, поспіху, тиску, та ритміка, що буде формуватися періодами інтенсивності та затишшя. А Елементами Відсутності — невідоме, непередбачуване, неймовірне, невидиме, несвідоме та невпинне.

Щоправда, проблемою такого твердження, що ці елементи є невід'ємними частинами горорної історії, є маленька така деталь — ці елементи є невід'ємними частинами будь-якої цікавої історії.

Чи читали б ви фентезі, де з першої сторінки все зрозуміло, будь-що можливо, і антагоніста легко перемогти, оскільки межі його сил вкрай очевидні? Ні, але перешкоди подібному прописуються з використанням Безсилля, Непередбачуваного та Невпинного. А роман, де персонажі одразу закохуються і живуть щасливо до кінця днів своїх? Ні. А заважатимуть їм саме Тиск, Ритміка і можливе Невідоме.

Чи часто ви чули анекдотний майже вираз що «кожен роман зав'язкою схожий на горор»? Який сюрприз — це справді так. Кожна, буквально кожна історія схожа своєю зав'язкою на горор, може легко в нього перевтілитися, і в цьому наразі й лежить

дивна омніпотентність цього жанру. Між будь-яким іншим жанром і горором стоїть лише один-однесенький темний твіст, і так саме тому зараз розквітає гібридний горор.

«За кілька днів до свого 11-го дня народження хлопчик отримує загадкового листа, адресованого йому особисто. Відібравши листа, його розлючений дядько спалює кореспонденцію, не давши хлопцеві навіть і одним оком глянути. Втім, протягом наступних днів листи продовжують надходити, у незліченній та страшній кількости. Рятуючись від химерної поштової змови, родина хлоп'яти переховується в хатинці на маленькому покинутому острові посеред океану, і начебто успішно — доки їх не наздоганяє магічний велет».

Чим не початок нової книги Кінга? А це — зав'язка «Гаррі Поттера».

А концепт оживаючих вночі ляльок для вас особисто це «Історія Іграшок», чи все ж «Аннабель»?

Гібридний горор — це жанр-поєднання, де до горора додається ще щось. Цим «чимось» може бути детектив («Мовчання Ягнят»), наукова фантастика («Чужі»), середньовічна драма («Гра Престолів», бо ніхто мені не заборонить).

Гібридний горор може мати мінімальну кількість страшних елементів, але поки він виконує свою основну функцію — змусити вас боятися страшної долі героя, — він буде горором. І ці елементи лише підсилять сюжет, посприяють встановленню емпатійного зв'язку між читачем та персонажем, та додадуть читачеві поваги до героя, що втрапив до страшної ситуації і вибрався живим. Усе це — завдяки вищезазначеним фізіологічним реакціям читача на переляк.

Історії, що лякають нас, популярніші. Вони краще запам'ятовуються, їх хочеться перечитувати і передивлятися завдяки дофаміновим викидам, і вони стають лише більш різноманітними та якіснішими щороку, тому що автори починають розуміти силу переляку.

Можете, звичайно, посперечатися зі мною про те, що це не горори, а трилери набувають такого широкого використання, але проблема у тому, що мікроскопічна різниця між трилерами та горорами виникла штучно, коли в кінематографі з'явилися Слешери та Всі Інші Страшні Фільми, тому я її враховувати не буду — в дослідженні саме визначення горорного жанру є ключові слова «викликає страх», і я опираюся лиш на них.

Базуючись на цьому твердженні, будь-який твір, в якому переляк читача є однією з цілей оповідання, направленою на підсилення ефективності того чи інакшого сюжетного елементу, є гібридним горором.

І, оглядаючи найпопулярніший фікшн останнього десятиліття, важко не згодитися що гібридний горор залишиться в сучасній літературі надовго. Він проторував собі шлях, він оселився у наших серцях, і ми вже нікуди від нього не втечемо.

Аби не бути голослівною, додаю приклад зі списку найкращих книг 2020-го року [7].

«The Disaster Tourist», Yun Ko-Eun: «екологічний трилер» про людей що полюбляють вживу споглядати катастрофи — у бойові зони країн, де наразі проходять громадянські війни, острови, на яких саме стається виверження вулкану, міста, поглинуті епідеміями, та інші чудові та аж надто туристичні локації (а концепт, до речі, реальний [8]).

Що могло бути далі від горору, ніж екологія та туризм? Але ж там висвітлені реальні проблеми, які важко розглянути без налету відрази — вони жахають самим своїм існуванням. Те, як люди зараз мислять і на що вони готові заради досягнення цілі, завжди було в центрі подій страшних казок, і для нашого покоління індивідуалістів ці теми знову актуальні і кріпові як ніколи.

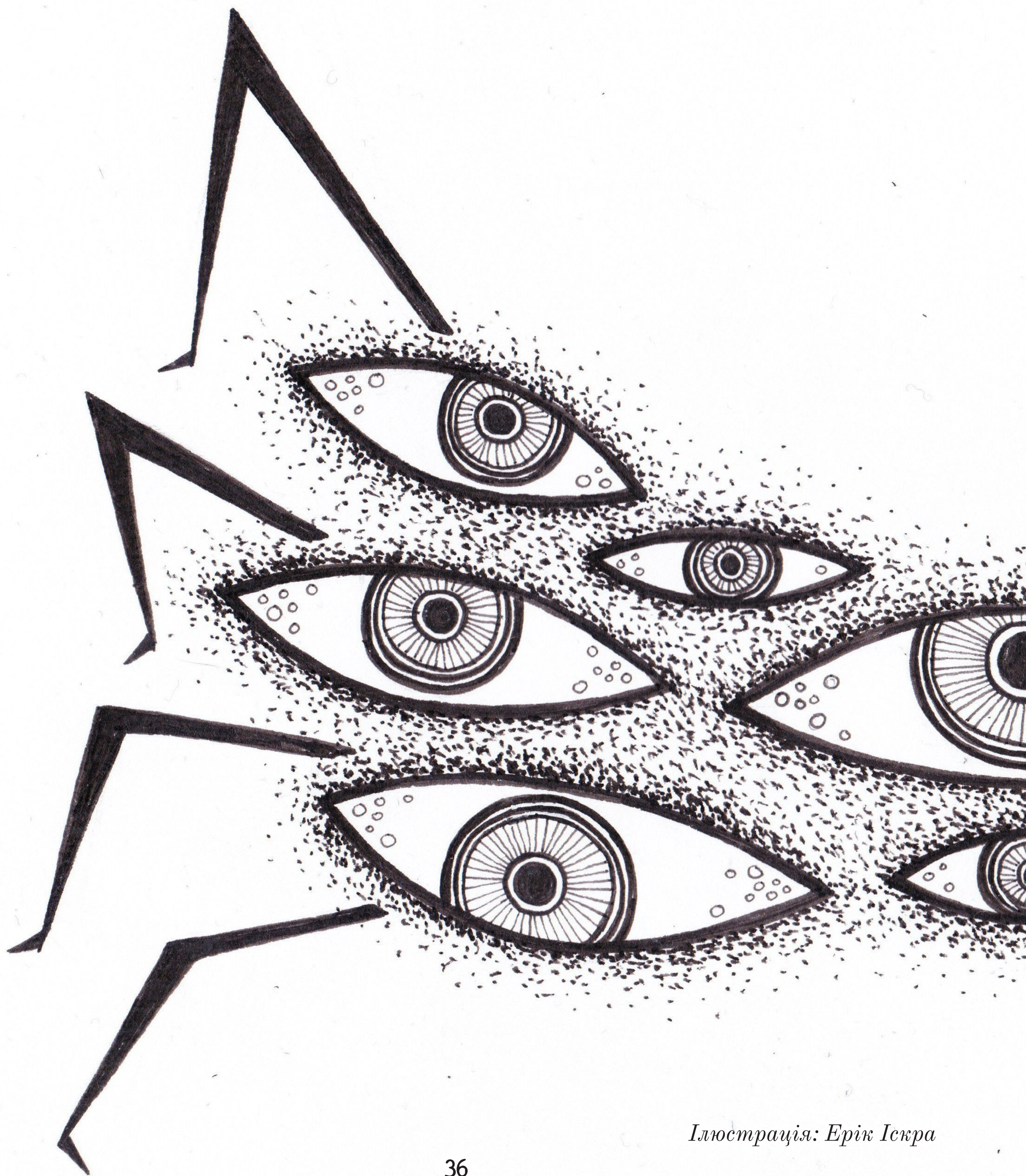
Що могло бути далі від горору, ніж музика? Але ж у сучасній експериментальній музиці все частіше з'являються мотиви соціального горору — їх можна знайти у текстах, будові мелодії, виборі ефектів, хоча раніше таке дозволялося лише у найчорнішому дез-металі. Можна розглянути хоча б трендові пісні Ashnikko чи Sub Urban, але бажано приділити увагу цілим альбомам Clipping., сповнених сюжетами, котрі можна перетворювати на новели [9].

Тому вивчаймо ефекти горорів. Пишімо страшні історії. Нам ще так багато всього треба написати — екзистенційний горор

знову стає популярним.

Так само, як покоління 60-х вчилося сприймати реальними загрозами серійних убивць, холодну війну, тоталітарні держави, СРСР і атомну загрозу, ми вчимося сприймати одвічний абсурд життя, соціальну проблематику та екзистенційний жах власного існування, що оточує нас повсякденно — через жахання один одного та розповсюдження страшних історій, доповнених реальними дослідженнями й сучасною філософією.

Майя Чорнòта

Ілюстрація: Ерік Іскра

Визначення та пояснення:

1 Слешер — піджанр горорного кіно, де вбивцею є психопат, часто у масці, котрий вбиває багатьох героїв підряд. Такими фільмами будуть «Крик», «Геловін», «П'ятниця 13».

2 Сплеттер — піджанр горорного кіно, зосереджений на реалістичному та надмірному зображенні крові, нутрощів тощо. Був заснований фільмом «Світанок Мерців» і поступово еволюціонував у «тортурне порно» та «гор» (gore), досі популярний у деяких нішах у наш час.

3 Сатанинська Паніка (Satanic Panic) — американський соціальний феномен 1980х років, що полягав у поширенні суспільством масової істерії, викликаної вірою у масову сатанинську змову для ритуальних вбивств, прихованих владою, не дивлячись на їх багатотисячне число. На період після паніки сильно популяризувалися звинувачення у сатанізмі та примусовий екзорцизм. Вважається, що у Америці зараз активний новий рух що спричиняє другу хвилю паніки. Дізнатися більше рекомендую у роботі Роберта Еванса «The Satanic Panic: America's first QAnon»

4 Тру-крайм (англ. True crime) — жанр медіа, що висвітлює реальні злочини та життя тих, хто їх скоїв, часто серійних та разових вбивць, диктаторів, воєнних злочинців тощо. Зараз парасоля цього жанру розростається і включає також такі злочини як масові розповсюдження псованих ліків країнами третього світу, розвиток тоталітарних фашистських режимів та інші.

Ресурси та посилання:

[1] «The Impact of Psychology on Horror Literature», Preston Davis, ch. 3 p9

[2] «Dissociable neural systems for unconditioned acute and sustained fear», Matthew Hudsona, Kerttu Seppäläa

[3] Case Study: Use of a Horror Film in Psychotherapy Jeffrey M. Turley, M.D., Andre P. Derdeyn, M.D.

[4] Clasen, M., Kjeldgaard-Christiansen, J., & Johnson, J. A. (2020). Horror, personality, and threat simulation: A survey on the psychology of scary media. Evolutionary Behavioral Sciences, 14(3), 213—230

[5] Turley, J. M., & Derdeyn, A. P. (1990). Use of a horror film in psychotherapy. Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry, 29(6), 942—945

[6] «Elements of Aversion», Elizabeth Barrette

[7] https://www.harpersbazaar.com/culture/art-books-music/g30719704/best-new-books-2020

[8] https://tourismteacher.com/disaster-tourism-what-why-and-where

[9] https://www.theverge.com/2019/1/31/18204092/rivers-solomon-the-deep-clipping-afrofuturism-novel-cover-interview

Не дивись

Àудра Полудѐнна

— Гей, вилупку! — лунає позаду звичний для мене оклик. От причепилося слово, тепер не відшкребти. Я підтягую ремені рюкзака, пригинаюся, проти волі піднімаю плечі. Прискорюю кроки, підтримуючи окуляри рукою. Секрет у тому, щоб ні в якому разі не бігти, бо так чи інакше доженуть, а як не біжиш та не реагуєш — доганяти тебе стає вже не так цікаво. Може й відчепиться, хтозна... Я подумки повторюю власні правила, вироблені роками: «Не біжи, не кричи, не дивись. Не біжи, не кричи, не дивись». Формула, завчена, наче таблиця множення.

Не знаю, чому вони чіпляються. Може, виглядаю надто нікчемним, може, вважають мене стукачем чи підлизою. В мене ніколи особливо друзів не було, а тут хлопці ще й заздрять, що дівчата вічно крутяться біля мене й не звертають уваги на їх конячий регіт, прищаві щоки та викрутаси на спортмайданчику за другим корпусом.

Мене ж тутешні дівчата люблять — звісно, як друга. Я не плекаю сподівань, що причина їх уваги у моїй неземній красі або найсмішнішому в світі гуморі. Просто у мене є фотик, і я ніколи не відмовляю «кляцнути» нову сукню чи зачіску, та й всі на моїх фото виходять красивими. Рік тому я замінив стару «мильницю» на новенький імпортний поляроїд, тому тепер можу знімки віддавати одразу. От мене й оточують постійно, мовляв, Васильку, а мене в отих квіточках можна, а мене — на фоні озера, а вдвох нас клацнеш?

Мені не важко, клацаю. По правді кажучи, набагато зручніше дивитися на світ крізь об'єктив, позбавляє від незручностей. Для іншого часу є окуляри. Я, в цілому, звик, але об'єктив подобається більше.

— Ти глухий, чи шо?! — я йще пришвидшуюся, бо то звучить вже інший голос. Значить, їх щонайменше двоє, значить, не захочуть пасувати один перед одним. Кепсько... Я далеко не глухий, я вже чую за спиною шумне й тепле дихання, тріскіт кожної соснової голочки під ногами тих, хто йде за мною. Глибоко зсередини підіймається хвиля страху, і я з зусиллям зковтую, заганяючи її назад. «Все буде гаразд», — подумки вмовляю себе. Вже сутеніє, треба лише дійти крізь цей лісочок до літньої кухні, а там може й когось із вожатих зустріну.

Мені обов'язково пощастить, а вожаті мене ще й трохи поважають, бо, знову ж таки, знімки. Для звітів, для стінгазет, просто собі на згадку, — всім зручно мати власного фотографа. Мені минулої зміни навіть грамоту виписали «За вагомий внесок у творче життя табору», таке. Усьо серйозно. Я її закинув між речима, а мама побачила та повісила на стінку. Каже, як подивиться — одразу гордість бере. Мені ж усе одно, чим би не тішилась, радісно їй — і добре, не так вже багато приводів є мною пишатися.

Вона не хотіла пускати до табору: окуляри, фотик, спати з кимось в кімнаті...

Я вмовляв її, запевняв, що все буде добре, що я буду обачним, нікуди не полізу, окуляри надягатиму навіть не розплющуючи очей, що б не сталося. Місяць тренувався.

А вдруге, як вже привіз грамоту, речі під теплою водичкою переправ і знову схотів поїхати, то відпустила вже легше. Мабуть, упевнилась, що все в порядку буде. Мені тут дійсно більше подобається, ніж у місті:

озеро є, ліс, люди не те щоб погані — просто як люди, звичні. Можна хоч цілий день грітися на сонечку, лежачи на гарячому піску, читати, виловлювати об'єктивом комах, людей та краєвиди. Загалом, як у селі, де ми з мамою жили колись, тільки, слава тобі Господи, без півнів. Це все теревені, що півні лише зранку кричать, в таке може повірити хіба той, хто ні дня в селі не жив. Насправді вони цілий день видають ті бісові звуки.

Але ми не тільки через них поїхали, була ще історія з сусідським псом, але мені вже не шість років, все ж-таки. До того ж, на другу зміну мені табір оплачує навіть ту маленьку суму, що не сплатила мамина заводська профспілка, тільки щоб знімав, тому мама й пустила... дідько!

У потилицю досить відчутно прилітає щось. Здається, це шишка.

— Пацани, ви чого? — не встигаю розвернутися, як прилітає ще одна. Від удару окуляри злітають з мого носа та падають на пружний сосново-голчастий килим, а світ навколо одразу стає чіткішим. Встигаю побачити, як скельця, трохи нагріті теплом мого тіла, м'яко світяться у сутінковій напівтемряві, та чимскорше заплющую очі. Серце калатає, я бухкаюсь на коліна й нишпорю руками по землі. Ну, де ж ви, де ж... Як же кортить подивитися, я одразу б їх знайшов...

Тут мене піднімають за наплічника. Навіть не можу зрозуміти, хто це, напевно, хтось з іншого загону, але він набагато дужчий за звичних моїх "приятелів", тому в його хваті я почуваюся сліпим кошеням.

— Зовсім страх втратив, га, вилупку? А може ти не тільки чотириглазий, а й на вухо слабкий? — ірже басом, як коняка, до нього приєднується ще один голос, вищий і схожий на скрегіт.

Мене розвертають та смикають за стрічку чохла для поляроїду на шиї.

— Не чіпай! — голос звучить жалюгідно, але я вчеплююся щосили у стрічку, а потім й у чужі пальці:

— Пусти!

— Тшш, малий, не сси, ми тільки сфоткаємось та повернемо...

— ...можливо! — знову регіт.

— Але це не точно!

Їм набридає боротьба за фотик, тому з мене просто знімають шлейку, а потім один за одним розтискають пальці. Я вже не тямлю, що робити, лише повторюю подумки: «Тільки не дивись, не дивись, не дивись», як молитву.

— Та ну віддай вже! — це басистий здоровань.

— Шо ти мружишся, мы не страшні, — підтакує другий та відвішує мені запотиличника. Легенько, але я раптом мимоволі розплющую очі та зустрічаюся поглядами з тим, хто тільки-но відібрав моє.

...мені у вухах стоїть майже стихлий хрип, встрягший у скам'янілому горлі, та пронизливий тонкий вереск хлопчини, котрому пощастило більше. Першому вже нічого не допоможе: холодна злість, що розлилася моїм нутром, шансів йому не залишила.

Ліс навколо забарвлений різнокольоровими плямами життя. Фігура переді мною поступово стає із червоної — помаранчевою, потім жовтою, а тоді зливається з лісом.

Я акуратно виймаю фотик із застиглих, покручених нестерпним болем пальців. Легко знаходжу окуляри й кладу в кишеню, а потім зникаю нечутно людському вуху, але сам чую найменше шурхотіння.

Нехай. Нехай шукають. Шкода лише маму, хвилюватись буде, але я ж повернусь. Знову переїжджати, та це не вперше...

А доки я прокрадаюсь лісом до залізниці, горе тим, хто потрапить мені на очі.

Ілюстрація: Тім Мосолов-Кохановський

ПТАШЕЧКА

Майя Чорнòта

Одного ранку з вікна на Нього витріщилося пронизливо-кавове пташине око. Воно затуляло собою весь світ, заважало світлу проникати в заповнену пилом квартиру. Кліпало лише опівночі.

Він думав, що за Ним нарешті прийшла Її помста. Це величезна постать Її стоїть в Нього за вікном, і ось-ось відкриє дзьоба, аби Його проковтнути. Цілком і не пережовуючи, не спльовуючи кісток, насухо — з Його гріхами і Його марами, з Його молитвами і винним блюзнірством.

Це не була Її постать насправді, а лиш яскравий малюнок синиці на цегляному мурі сусіднього будинку, так тісно притиснутого до його власного, що можна було між ними натягнути білизневий мотузок — але Його все одно поглинула темрява і скорбота за Нею, хоч би вона його й катувала. Гострий дзьоб не розітнув Його тіло, але біль супроводжував Його тепер цілоденно, повсякчасно, неминуче, як уважний погляд того некліпного Ока.

Око витріщалося на Нього, коли Він снідав і коли дивився телевізор. Заглядало у кватирку ванної кімнати, коли Він стояв під потоком води з іржавої душової голівки з відкритим ротом, не сковтуючи, намагаючись похлинутися рудими краплями, схожими на кров. Коли запрошував новеньке дівча до своєї квартири, коли готувався до його приходу, збираючи з підлоги сміття і бруд, коли відскрібав залишки кави й варення зі столу так, наче міг із ними стерти болотяні чорні плями зі своєї душі та сліди Її пальців зі своїх рук.

Ніби якби Він тер достатньо, то Її благання перестали б тьохкати в Його вухах кожного світання. Смішно — і здертої до м'яса шкіри для цього було б замало; гниття, що Вона його по собі залишила у кожній тканині, за котру чіплялися здерев'янілі пальці Її, проникло надто глибоко. Синці та подряпини могли зійти, але самими кістками Його курсує гній.

Коли нове дівча чемненько заходить до квартири у своїй червоній сукеночці і витріщається на Нього своїми очима кольору чорного чаю, Він виштовхує його назад так сильно, що дівча те аж летить на підлогу. Сукня розтікається довкола неї кривавим озерцем, і піднятий з підлоги пил такий схожий на кружляння пір'я під променями сонця... Горлом Його підіймається кислота.

Двері він ледь не зриває з петель ударом і грюком, ледве не перебиває дівчаті ногу, котру воно чудом встигає прибрати з порогу. З вікна на Нього все ще дивиться Око, і погляд його сповнений зневагою. Карі очі дивляться на нього звідусюди — з дверного òчка та з годинника на стіні, з фотографій, розвернутих спиною та кришталевих статуеток горобчиків, що сидять на поличках зграйками і ще ніжно дзеленчать від удару дверей.

Коли розлючене дівча починає наполегливо тиснути на дзвінок, замість трелей старого телефону тьохкають птахи. Різноголосе тьохкання накладається одне на одне, збивається, метушливе і нетерпляче; високий голос обурено дзвенить у такт з-за дверей, його слова нерозбірливі і грудні, як солов'їні мелодії, переплітаються із охриплим криком, що засів у Нього в голові, і Він падає навколішки, закриває вуха, стискає повіки. Око дивиться на Нього з кухонного вікна, і Він кричить, доки все не стихає і в вухах не дзвенчить лише тиша.

Навіть тиша дзвенчить. Тьохкає поодинокими смішками посуд, що ще здригається від стуку.

Ввечері Він передивляється фотографії, знов повернувши їх до себе обличчям, неначе ця маленька крапля сміливості змусить їх погляди бути меньш знавіснілими до Нього. Фотографії з Нею, із пір'ям подушок у її волоссі, у хустці, вишитій горобцями, із сонцем на червоних щоках. У кострубатій спідниці, у порваних джинсах, у легкому платті. Із зачарованою посмішкою, з привідкритими від здивування губами, зі сміхом у роті, з німим криком у горлі. Із щасливими очима, з винуватими очима, з сумними очима, зі сповненими болем очима, *зі сповненими болем очима*, **зі сповненими болем очима**.

Темно, але погляд Ока він відчуває на своїй потилиці. Сьогодні воно не кліпало опівночі.

Він чує шелест крил із сусідньої кімнати. Він думає жбурнути Її бісову пташку у те Око, аби кляті синиці склювали одна одну, але йому страшно, йому так страшно, і він не знає, від пташки то чи від Ока, і кого він боїться більше. Найбільше він боїться того, що погляд стане із чорно-кавового кривавим.

«Ти п'єш забагато кави, твої очі нею скоро наллються, і геть сльози стануть кавові»

«Тоді я почну їх пити, а тобі не дам»

Йому сниться, як очі Її наливаються кров'ю.

Він закриває штори, Він живе в темряві, Він не виходить із дому. Пташка в сусідній кімнаті б'ється крилами об шибки ночами, тому Він не спить. Він чекає, доки пташка помре. Колись вона помре. Вона теж помре. Вона знов помре.

В одну з ночей Він їсть пліснілий хліб і слухає стук. Стук. Стук. Сповнений болем *тьох*. Стук, *тьох*. Стук, стук, знову *тьох*. Тиша. Стук... знову стук. Хліб змокає від його сліз.

Коли тиша тягнеться до світання, Він заходить у кімнату. Її птаха лежить мертва на килимі під розколотою шибкою, і скло вкрите кривавими плямами і зазубринами від її дзьоба, округла прокльована дірка у ньому як кратер, як постріл.

Через червоні візерунки і тріщини на Нього все ще дивиться кавове матове Око, і зіниця його видається червоною. Кров вкриває жовтаве пір'я, як вкривала Її волосся після удару, і пір'їнки — всі — нарешті здаються мертвими. Кожна із них — розпластана у власному червоному ставку, холодна, тиха.

Аж доки Око знову не кліпає.

Він падає навколішки і сміється одночасно від полегшення і жаху, і Він сміється, доки не починає харкати пір'ям. Як сміх народжується глибоко в животі, під сонячним сплетінням, так тоненькі лапки шкребуться Його нутрощами, поспішаючи піднятися стравоходом угору. Тоді сміх ще лунає, але він надірваний, хриплий, змішаний із благаннями і відчайдушними ковтками повітря — а вони стихають, коли наполеглива пташина голівка проштовхується між голосовими зв'язками. Тепер Він лиш давиться і клекоче, булькотить кривавою піною, сплітаючи залишки свого голосу із Її криками, доки не синіє Його лице і килим не вкривається свіжими плямами крові із проштрикнутого дзьобом горла.

Пташка здавлено тьохкає і розтуляє крилами його ослаблу і зламану щелепу. Вона вибирається і струшує з себе його бруд. Її очі карі, розумні і зневажливі. У них вже немає болю, коли вона відчиняє вікно, запрошуючи ворон на сніданок.

Коли його тіло знаходять, безоке і поїджене вироєм, знаходять і заховані валізи Її, тієї, що з кавовими очима і пір'ям у волоссі. Із тими валізами вона начебто поїхала від нього до мами на похорон за місто два місяці тому, тільки от не доїхала.

Сестри звали її Пташечкою, і Пташечкою її оплакали — заповнили пусту труну пушним пір'ям та горобиною, і вкрили вишитою горобцями хусткою. Від тіла її залишені були лише зуби, і їх сестри поділили між собою, а один віднесли до материного надгробку і закопали.

А його не оплакали, лиш кожна сплюнула у поліетиленову торбу з прогнілими до кісток останками, і прокляття їх лунали вороновим клекотом, доки її ховали у поліцейське авто.

Її труну заховали у садку між будинками, а його рештки кремували і розвіяли за містом. Квартиру продали тому, хто не знав мови і не задавав питань, а малюнок зеленоокої птахи за вікном

перехрестили на щастя — бо це ж мистецтво йому так знавісніло, так вже робило боляче, що не зміг жити зі своєю провиною вбивця. Чи ж не так? Чи ж не в обіймах з рушницею його знайшли голодні птахи?

Пташка з червоними від крові очима навідалася на могилу. Вона подивилася на свій доглянутий надгробок понад пустою труною, оглянулася в останній раз на сад, і злетіла.

Час годувати свої зголоднілі зіниці. Кава ж бо їй більше не смакує.

Акула в чёрном небе

Дмитрий Федюшин

-1-

Как только мне попал в руки листок с этим непонятным текстом, я тут же застыл.

Мы распаковывали пакеты почты, которые прибывают к нам регулярно из всех городов Украины. Обычно там были лишь анкеты, заполненные посетителями супермаркетов на получение дисконтных карточек. Но вдруг из очередного пакета, подписанного уже не помню каким городом, я выудил сложенный вчетверо засаленный листок бумаги. Отложил анкеты, развернул, и моему взору предстал написанный от руки сплошной текст весьма необычного содержания. Манеру письма очень сложно охарактеризовать. Все было неуклюже сплетено воедино, изложено самым запутанным и несуразным образом: некоторые слова писались вместе, некоторые слишком часто повторялись. Автор говорил о гнили бытия, выражал омерзение ко всему окружающему и делал это настолько дико, а местами даже похабно, что меня самого начало тошнить. Я не мог прочитать это полностью, сознание блокировало поступающую информацию и заложенный в ней смысл. С одной стороны — психика выставила свой щит против этого странного текста. С другой — он был настолько неправильно написан, что усвоить это не представлялось возможным. Да, он явно принадлежал перу какого-то психа, причём неграмотного. А может, он специально всё так организовал?

— Что там у тебя?

Я посмотрел на сотрудника и первые несколько секунд ещё был в оцепенении, а затем сказал:

— Да фигня какая-то непонятная.

Он протянул руку и я дал ему листок. Он пробежал глазами текст. С его лица не сходило презрение, а после оно переросло в отвращение. Сотрудник выдержал не более двадцати секунд, затем сложил листок в былое положение и швырнул на край моего стола.

— Дебил какой-то конченый, — буркнул Саня и вернулся к работе.

— Да уж, что-то совсем неадекватное, — согласился я и стал водить указательным пальцем над правой бровью.

Я часто так делал, когда о чем-то размышлял или был в замешательстве.

Уж очень быстро мой сотрудник отверг нечто новое и непонятное. Его закостенелый мозг не дал никаких шансов, без колебаний определил это в разряд ненужного, поскольку оно не соотносилось ни с чем предыдущим, что уже лежало в багаже знаний. Может, и правильно так жить. Может, тогда мы оградим себя от едкого газа, просачивающегося сквозь незаметные щели в нашу обитель, старательно выстроенную из таких родных и знакомых вещей. Ведь если таким увлечься, в один прекрасный момент это хрупкое строение может рухнуть, хороня под обломками устоявшиеся убеждения. И потом всё равно захочется заново строить, а на это уйдёт много времени. И новое здание в равной степени может быть как лучше и прочнее, так мрачнее и неустойчивей.

Но с другой стороны, это может быть не едкий газ, а свежий воздух, для которого просто необходимо открыть окно.

Я попробовал вернуться к работе, но вдруг почувствовал какую-то опустошённость. Будто всё вокруг перемешалось в грязно-серых тонах. Последние месяцы это состояние посещало меня всё чаще. Оно приходило без видимых причин, неожиданно захлёстывало и сковывало в липких, холодных объятиях. Пытаться бороться

было тщетно, поэтому я вышел перекурить.

Терпкий дым приятно защипал горло, и вместе с ним я вдохнул морозный воздух.

Рядом было ярко освещённое офисное здание, плюс возле него горел фонарь, так что между нашим складом и этим домом в тёмное время всегда был яркий пятачок. Как свет рампы, только в нём не вершилось искусство и вообще не происходило ничего интересного. Всего лишь прямые фигуры и скучающие лица офисных работников, бесконечно идущих туда-сюда. Но сейчас на свету блестел свежевыпавший снег. Он продолжал медленно падать, нежно кружась огромными хлопьями.

Ну наконец-то. А то все уже устали от грязной, сырой зимы с плюсовой температурой и почерневшим давним снегом, лоскутками лежащем на траве.

Я оглянулся на обитое металлом одноэтажное здание склада. Некрасивое и грубое, оно робко заглядывало в свет рампы из зимнего вечера. Кажется, стало получше. Сигарета и долгожданный снег, что ж, неудивительно.

Когда я заходил на склад, мне вспомнилось несколько строк из недавно прочитанного текста:

«Уродочеловеки блеют на тонких лапах перед всесилой. Плодятся незамедлительно твари. Не человекоуроды, уродочеловеки. Изрыгают в миллиардах молекул своё отвратное присутствие на траву/деревья, оскверняя».

Удивительно, что я сумел запомнить такие нескладные выражения. По спине у меня побежали мурашки. От этих мерзких слов веяло потусторонним. Когда я вернулся к работе, в голове был смог, в котором тонуло восприятие окружающего, и я пожелал, чтобы поскорее закончился рабочий день.

-2-

По дороге на работу в маршрутке мне в кои-то веки удалось сесть, причём не за пять минут до моей остановки. Обычно эти долбаные старые «Газели», которые до сих пор почему-то не поменяли на «Богданы», как на большинстве остальных маршрутов, так забивались спешащими на работу, что я чувствовал себя килькой в банке. Но сегодня выдалось полегче, несмотря на то, что стоял час пик понедельника.

Я смотрел на унылый грязно-зимний пейзаж за окном, когда мой взгляд привлёк человек, сидящий спереди. Точнее, не он сам, а его татуировка на всю шею. Изысканное, рифлёное зеркальце, какие бывали у дам до технологического века, а в отражении — человек без лица. Голова у силуэта была на месте, но вместо лица лишь тусклое, белёсое пятно, вокруг которого космами висели волосы. К тому же, татуировка была исполнена в чёрно-белом цвете, что добавляло ей особой сумрачности. Она показалась мне необычной, хотя я в них ничего не смыслил. Тату притягивало взгляд и навевало странные ассоциации. Сознание моё провалилось в пучину мрачных сюрреалистичных образов.

«Уродочеловеки блеют на тонких лапах перед всесилой. Стоя вниз головой, исступленно тянутся к грязному нижнему небу».

Непонятным образом мысленные картины начали сплетаться с этими выражениями. Строки из загадочного текста неустанно звучали в голове и, словно большие грубые руки, тянущиеся из тёмных глубин моего подсознания, сдавливали черепную коробку.

Я, будто в тумане, вышел на остановке.

Понемногу я стал насыщать свой мозг атрибутами умиротворения, подобно тому, как человек развешивает благовония и обставляет комнату вещами, излучающими положительную энергетику. Потому, когда я заходил на работу, татуировка и всё последующее покинуло мои мысли.

На складе было холодно. Кирпичное здание без отопления, обшитое металлом, с бетонным полом очень быстро поддавалось погодным условиям, поэтому у нас стоял переносной обогреватель на тонкой ножке. Однако ноги он не спасал, особенно в такой мороз как сегодня, и мы клали под свои столы толстые пластины пенопласта, поскольку большинство времени нам приходилось проводить в сидячем положении. Сами облачались в куртки, а на руки надевали обрезанные перчатки, чтобы они не стесняли движения пальцев, которым приходилось резво перебирать анкеты.

Мы часто подшучивали, что жизнь у нас собачья: собачьи условия работы, отношение начальства, как к собакам. А также сравнивали себя с бедными китайскими рабочими. Да, платили нам немного, но всё остальное я воспринимал исключительно с юмором, так как в большинстве был не согласен с этими утверждениями.

Не знаю, что на самом деле думал мой сотрудник, но я вполне понимал, что у нас мало общего с бедными китайскими рабочими, которые пашут на огромных фабриках с кучей людей и вечной суматохой. Работают по двенадцать, а иногда и четырнадцать часов в день и проживают в маленьких комнатушках при этих заводах. Мы же работаем по стандартному графику: восемь часов, плюс час обеда, пять дней в неделю. Коллектив у нас маленький — всего-то три человека, и дружный, но со своими нюансами, конечно. А суматоха здесь редкий гость. Поэтому все наши саркастичные, а порой и похабные шутки по поводу начальства и его отношения к нам — не более, чем механическое взаимодействие социальных слоёв. Они на слой выше и командуют, мы скрипим зубами и отпускаем между собой грязные шуточки, чтобы хоть как-то свести счёты с глупыми чурбанами, по счастливой случайности оказавшимися над нами. И тут уж не важно — хорош начальник или плох, ему не избежать шушуканья в низах. Но почти всегда все это не всерьёз.

А условия работы у нас были приемлемые. К тому же, она не требовала интеллектуальных усилий, не поглощала мысли, поэтому хватало времени думать о чём-то своём, планировать, мечтать. Также мы общались, слушали музыку по радио из магнитофона с антенной, стоящего на полке, и во всём этом был какой-то свой уют, своя романтика. Несмотря на то, что здесь нечего и думать о карьерном росте, и денег порой не хватало, я достаточно часто находил в этой работе комфорт. Возможно, мои суждения тождественны с образом человека, не желающего думать и самореализоваться, не любящего трудности. Что же, может, и так, но моя жизненная позиция такова: главное — получать удовольствие. И если я нахожу хоть какое-то удовольствие в такой работе, способен видеть его в мелочах — значит, я уже не несчастен. И не стоит от этого отказываться ради общепринятых целей.

-3-

Я курил, сотрудник — нет. Но когда я выходил раз в час-полтора на перекур, он часто составлял мне компанию, чтобы просто подышать воздухом. Зимой он делал это реже, поскольку не выносил холод, в отличие от меня, но порой желание сменить обстановку перевешивало всё остальное.

— Мне такой сон приснился, — неожиданно нарушил молчание Саня. Изо рта его клубился пар.

— Эротический? — подмигнул ему я.

— Не, стрёмный, — покачал он головой с каменным выражением лица. — Шторм бушует. Я в море... или в океане. Качаюсь на волнах, а в небе такие чёрные тучи, молнии поблёскивают. А потом там появляется огромная акула в форме тучи. Нет, не тучи, а как из дымки... и громадная, на всё небо! А в ней ещё маленькие, еле видны дымкой. И шум океана, как будто рёв... И вдруг меня тянет вверх, прямо в акулью пасть.

Саня замолчал, не зная, как продолжить. Похоже, за этими туманными описаниями скрывался целый спектр образов, которые он не мог выразить или чётко вспомнить. У меня же по спине побежали мурашки. Переданные им картины обрели в моём воображении невероятно мрачный окрас. А в душу закралось эфемерное, мистическое ощущение дежавю.

— Да, неприятный сон, — задумчиво заметил я. — А ты был на лодке или как?

— Сначала на лодке, а потом просто в воде посреди бушующего океана. — Помедлив, сотрудник добавил: — А вода чёрная как смоль, и даже пены не видно... Стрёмно, в общем.

— И чем закончилось?

— Да фиг его знает, не помню.

Я затушил бычок и мы вернулись к работе. Но возникшее чувство до самого вечера не отпускало и порой с новой силой погружало меня в нечто неведомое и жуткое, при этом давая смутные, мучительные в своем безысходном таинстве, намёки на что-то знакомое.

На долгом пути к маршрутке я сумел

наконец полностью отвлечься. Студёный воздух сопутствовал этому, на улице было около 15-ти градусов мороза. Вечер был светлым благодаря снегу, обильно выпавшему за эти несколько дней. Да, сейчас была настоящая зима, которая в наше время является всего на несколько недель за сезон.

Архитектура вокруг, как везде в нашем городе, была из разных эпох. Старые кирпичные приземистые здания времён Союза перемежёвывались с более высокими панельными домами 90-х и новостройками. Контуры были чётко очерчены в чистом морозном воздухе.

Люди, закутанные в тёмную одежду, мелькали мимо, спеша к теплу. В их поведении чувствовалась суета, а я, напротив, шёл медленно, наслаждаясь этой суровой погодой. Наслаждаясь лёгким испытанием, после которого тёплая квартира и чашка горячего чая покажутся большой радостью.

Когда я спустился в подземный переход, ощущение дежавю неожиданно накатило новой волной и опутало каждый мозговой нерв. Но на этот раз его вызвало конкретное происшествие. Спереди меня поворачивали к лестнице и подымались к выходу двое мужчин. Ничего особенного не было ни в их походке, ни в одежде. Их общий облик никак не выделялся на фоне других прохожих, идущих мимо меня, но, тем не менее, всё в них наталкивало на это чувство. Кажется, я видел этих людей вчера или позавчера, и посмотрел на них точно в тот же момент, когда они поворачивали и подымались вверх. Словно эффект перемотанного видео.

Странное это было ощущение, ни на что не похожее. Страха как такового не было, но всё вокруг как будто беззвучно задребезжало. Казалось, что реальность сейчас рассыпется, раздробится, и моему взору откроется совершенно иной мир.

Мужчины шли, опережая меня метров на 15-20, но, когда я вышел из перехода, они исчезли из поля моего зрения.

Пребывая в каком-то полусне, я на автомате подошёл к остановке и стал ожидать маршрутку, которая ходила редко и, не будь я так терпелив к холоду, предстоящие 10-20 минут показались бы мне необычайно долгими. Однако время пролетало незаметно. Пустым, невидящим взглядом я бороздил до тошноты знакомый ландшафт. Вдруг мне на глаза попался сложенный вчетверо листок бумаги, лежащий на скамейке остановки. Ничего особенного, просто чистый листок. Если там и было что-то написано, то только внутри. Да и вряд ли это что-то интересное, скорее всего, какой-то школьник забыл самостоятельную работу. Однако ко мне сразу же пришла мысль, что это тот листок, который я находил в пакете почты.

Вот теперь я почувствовал страх, он незаметно сжал внутренности в тугой комок. Мне снова показалось, что окружающая реальность пошла трещинами. Словно, из тёмных недр бытия, невидимых человеческому глазу, на мир влияли неведомые властелины, расшатывая его.

В голове опять зазвучали отвратительные фразы из текста. Промелькнуло желание взять листок в руки и развернуть, чтобы окончательно удостовериться, что это именно он, но тут в противовес вступила логика, утверждающая, что это невозможно. Плюс у меня безо всяких причин возникло опасение, что если это действительно тот листок, то в нём обязательно скрываются новые сюрпризы.

Так я и стоял, пока ждал маршрутку, поглядывая на скамейку, терзаясь сомнениями и временами погружаясь в ассоциативный поток мрачных картин.

-4-

Следующий день был выходной, и я поехал навестить брата. Как и в прошлый выходной и в позапрошлый, как, впрочем, почти во все выходные за последние годы.

Ворота психбольницы, как всегда, открывал не сторож, а один из пациентов, которые по очереди дежурили. Охранник оставался на КПП, к чему ему выходить на улицу в такой холод. К чему ему вообще лишний раз напрягаться, ведь дело было не в холоде, летом ворота тоже открывали пациенты.

Впустив меня через дверь, врезанную в широкие металлические створки ворот, на меня странно посмотрела женщина неопределённого возраста. Ни одна из эмоций, которые мы встречаем в жизни за воротами, не соотносится с этим взглядом, потому его невозможно охарактеризовать, имея за плечами лишь

опыт из внешнего мира. Да и была ли там эмоция? В глазах отталкивающе светилась пустота, а лицо, обрамлённое растрёпанными волосами, с тонкими, непомерно длинными губами имело какое-то карикатурное выражение, подобное клоунской улыбке.

Женщина проводила меня взглядом до КПП и затворила дверь. Она вполне могла убежать в этот момент. Стоя здесь, у неё уже было много шансов, но она почему-то не убегала. Почему? Не знаю, но думаю, будь такой риск, охранник не ставил бы её у ворот.

Не успел я дойти до корпуса, как у женщины появился очередной шанс. На этот раз пришлось полностью открывать ворота, и на территорию больницы въехала бело-серая, дребезжащая «Газель». Машина подъехала к кухне, и к ней тут же подоспело несколько пациентов, прогуливающихся невдалеке. Стали разгружать соки. Разумеется, ни один из медперсонала не был задействован в этом процессе, разве что повара принимали товар уже на кухне. Но больные не жаловались, напротив, некоторые так обрадовались, что стали выкрикивать:

— О, соки! Соки приехали!

Словно они очень долго этого ждали, хотя я знал, что сок здесь привозят довольно часто.

Брат отдыхал на койке, но, видно, спал не крепко, потому что стоило мне затворить дверь палаты, как он открыл глаза и улыбнулся. Значит, был в хорошем настроении, что не могло не радовать, с учётом того, как это редко бывает.

Я подошёл к нему и, наверное, как всегда, на моём лице отразились сострадание и жалость. Говорят — человек привыкает ко всему. Это так и есть, я уже привык, что брат находится здесь и даже смирился с этим, но, пожалуй, не полностью. Поскольку скорбь и желание, чтобы всё было иначе, — никуда не делись. Они порой затихают, когда я забываюсь в бытовых делах, но стоит оказаться здесь, как истина сжимает горло.

Меня печалило, что брат стал выглядеть истощённым и старым. Я интересовался, как его кормят, но всё было приемлемо, значит, дело не в кормёжке. Тем не менее, он выглядел гораздо старше меня, на лет десять, как минимум, хотя мы были одного возраста. Раньше, когда я смотрел на него, мне казалось, что я гляжу в перевёрнутое зеркало. Неудивительно, ведь мы — близнецы. Но в последние годы это ощущение пропало.

-5-

Морозы продлились недолго. Опять воцарилась сырая погода. На улице было +1-2 градуса, снег темнел и таял, превращаясь на тротуарах в грязное месиво. Маршрутка снова была забита, и в зимней куртке мне стало жарко, хоть я и расстегнул её.

Серое утро. Серая морось поглощала всё, казалось, даже лица людей стали серыми. Довлеющая действительность, невыносимая в своём однообразии. Я снова стоял, сзади напирали люди, и я не падал на сидящего лишь потому что держался за перекладину.

Вдруг перед глазами у меня возник человек с белёсым пятном вместо лица, заключённый в рамку зеркальца. Промелькнул размытым чёрным силуэтом на однотонности обзора. В первую секунду я растерялся и почувствовал лёгкое головокружение. Как только пришёл в себя, стал беспокойно оглядываться, будто татуировка, независимо от тела, могла находиться где угодно. Я действовал лихорадочно и вполне мог привлечь к себе подозрительные взгляды окружающих, однако на меня никто не обратил внимания. Все лица в поле моего зрения приняли каменное выражение и отупело смотрели в пустоту. Моя спина мгновенно покрылась холодным потом, и я тут же увидел обладателя татуировки. Он сидел на том же месте, что и в прошлый раз, в отличие от меня. Я стоял чуть сзади, так, что иногда, в зависимости от качаний маршрутки и пассажиров, мне на глаза попадал этот человек без лица, эта необычная картинка, неизменно притягивающая взгляд.

Меня бросило в дрожь, хотя в маршрутке было жарко, и я начал погружаться в какое-то странное состояние. Мозг словно тонул в чёрной маслянистой пучине мрачных образов, навеянных этой татуировкой. В голову опять полезли гадкие высказывания из текста, найденного мною.

Но тут я собрался и пришёл в себя, вырвался из холодных объятий химер. Сперва мне показалось уникальным такое совпадение, но затем я подумал, что некоторых людей в

этой маршрутке (может, одного-двух) я вижу почти каждый день на протяжении уже многих месяцев. Что же такого в том, чтобы встретить одного и того же человека лишь второй раз?

Посмотрев в окно, я с удивлением обнаружил, что почти приехал, и начал протискиваться к двери.

Когда я уже шёл по улице, и под ногами у меня мерзко чавкала слякоть, до моего сознания дошло два факта, повергшие меня в ступор. Я замер посреди тротуара и изо всех сил попытался вспомнить лицо человека с татуировкой, но всё было тщетно. Этот момент, который должна была запечатлеть память, ускользал от мысленного взора и скрывался в чёрной пропасти забвения, хотя я отчётливо помнил, как, стоя у двери маршрутки, посмотрел на него. Никто из пассажиров его не загородил, я посмотрел в упор и увидел лицо, но теперь этот кадр исчез. Вылетел из головы и провалился в небытие, словно удалённый файл.

Второй факт, застопоривший меня, был не менее необычным. Я ясно вспомнил, что перед тем, как обратить внимание на татуировку, мы проезжали места, от которых до моей остановки около 20-30 минут езды. Но в то же время, по ощущениям, в потоке ассоциаций я пребывал не более минуты.

Этот день прошёл как-то особенно однообразно, созвучно с погодой, гадкая морось которой проникла во все нюансы жизнедеятельности и отчасти диктовала наше мироощущение.

Меня не покидали странные и тревожные чувства. Всё вокруг казалось другим и, в то же время, — пугающе одинаковым.

С работы я шёл быстро, словно хотел убежать от этого дня, поскорее завершить его. Я очень редко мёрз, к тому же был тепло одет, но сегодня сырость продирала до костей. Казалось, что вся одежда на мне — не более чем тонкая мантия, лишь прикрывающая наготу, а отнюдь не греющая.

Мне навстречу неспешно шёл крупный и полный мужчина в костюме Деда Мороза. За руку его держал маленький мальчик в джинсовой курточке, очень тонкой как для такой погоды. Меня это удивило, ведь Новый год был давно, к чему тогда он так вырядился? Я даже замедлил шаг.

Мальчишка улыбался во весь рот и что-то говорил Деду Морозу. Тот повернулся к нему и либо отвечал, либо просто слушал. Лицо его тонуло в густой белой накладной бороде и яркой дурацкой шапочке, так что я не мог его разглядеть, пока не подошёл вплотную. Но, когда проходил мимо, увидел маленькие серые глаза, скрывающиеся под массивными надбровными дугами, и встретил взгляд хищной птицы, который он метнул в мою сторону. Лицо было испещрено крохотными ямками, как после неудачной ветрянки.

Я вздрогнул и, только Дед Мороз с ребёнком остались позади, ускорил шаг. Тут же раздался пронзительный плач. Я обернулся и увидел, что огромный мужчина присел на одно колено, что он трясёт, как тряпичную куклу, несчастного малыша, и бьёт ладонью (своей огромной ладонью!) по его лицу. При этом он невнятно что-то приговаривал сиплым голосом, который сливался с детским плачем в отвратительном созвучии и невероятно резал слух. Ребёнок ревел в исступлении, но это не спасало его от страданий.

Я отвернулся и снова прибавил шагу. Но детский плач и сиплый голос последовали за мной. Пройдя метров сто, я обернулся и увидел их совсем маленькими вдали. С такого расстояния сложно установить: продолжают ли они в том же духе или делают что-то другое. Но вот плач и голос были такими громкими, будто его обладатели находились совсем рядом. Они преследовали меня и последующие двести метров, впиваясь в барабанные перепонки.

Когда я уже подошёл к остановке, звуки наконец затихли, и тут до меня дошло, что следовало заступиться за бедного мальчишку. Отец, а может, отчим или дядя, издевался над беззащитным ребёнком у всех на глазах, и я обязан был заступиться, хотя бы сделать замечание. Но в нужный момент я и не подумал об этом, а поспешил убраться оттуда, чтобы не видеть этой жестокости. А даже если бы подумал, то, скорее всего, в ответ в голове бы прозвучали холодные противоречия наших изменчивых натур, вроде: «Это не моё дело, пусть сами разбираются».

Проще закрыть глаза и уйти с арены не своей битвы, а после праздно рассуждать о том, какой жестокий мир, даже не задумываясь, что большинство людей, хоть и редко творят жестокость, очень часто её поощряют. Конечно, в этой ситуации можно заявить, что отец имеет полное право сам решать, как воспитывать собственного ребёнка и, если речь не идёт о тяжёлых телесных повреждениях или извращённом моральном унижении, то посторонние не должны вмешиваться. Но ребёнок-то, может, как раз взывает о помощи, и с раннего детства начинает понимать, что люди, неспособные себе помочь, обречены на муки.

Спорный вопрос. И в этом самая большая беда — в том, что здесь нашлось место дилемме. Именно поэтому мир сотрясают немые вопли о помощи.

Вдруг я обратил внимание на человека, направляющегося в мою сторону. И словно утонул в черноте его куртки, обволакиваемый непроглядной тьмой. Появилось ощущение, что я проваливаюсь в бездонную пропасть, путь в которую чудовищно нелепым образом открылся через одежду. Здравомыслящая часть меня, у которой все силы уходили на то, чтобы цепляться за логические нити насущного мира, пыталась увидеть лицо человека, но подавляющее большинство моего «я», которое в итоге победило, не могло себя заставить поднять глаза выше, будто это сулило окончательным погружением в бездну.

Человек прошёл мимо, и меня словно вытолкнули назад в реальность. Я посмотрел ему вслед. Это был обычный мужчина с сумкой через плечо, но только сейчас до меня дошло, что я видел его вчера. Ощущение дежавю хлестнуло по лицу, я отчётливо вспомнил, как он «абсолютно так же» прошёл возле остановки. У меня закружилась голова, но затем я взял себя в руки и подумал, что это далеко не показатель чего-то аномального. Человек, возможно, возвращается с работы в то же время, когда я жду маршрутку, поэтому мы и пересекаемся второй раз подряд, а значит — это будет ещё повторяться.

Я взглянул на дорогу и увидел, что подъезжает моя маршрутка. По необъяснимому потустороннему зову я резко обернулся. На скамейке лежал свёрнутый вчетверо листок, который я видел несколько дней назад; жутко напоминающий тот, что я нашёл на работе. В сердце вонзились ледяные когти. Я испугался, словно это был не бездушный предмет, а личность, стоящая за спиной.

К тротуару подкатила захудалая «Газель», и водитель открыл двери. Я забежал внутрь, лихорадочно оглядываясь, будто спасался от преследователя. Несмотря на то, что на остановке я был единственной живой душой, ни водитель, ни пассажиры не обратили на меня внимания.

-6-

Я плыл на яхте, а в море бушевал невероятный шторм. Серо-чёрные тучи сомкнулись от горизонта до горизонта и периодически озарялись угрожающим светом молний. Яхта качалась и подпрыгивала на огромных волнах, как картонная. Неожиданно яркая молния расколола небо, и я не успел опомниться, как стена воды — всего лишь ничтожный всплеск для океана — накрыла яхту своим гребнем.

Я очутился под водой и почувствовал гадкий солёный привкус в носоглотке. Я судорожно поплыл вперёд, желая вынырнуть на поверхность, но впереди была непроглядная чернота, окутавшая меня жидким бархатом. Я запаниковал и начал вертеться, проплывая немного то в одну, то в другую сторону, но ситуация не изменилась. Мне стало не хватать воздуха.

Вдруг я увидел мутную серость, которая блекла на чёрном полотне у меня перед глазами, и из последних сил поплыл к ней. Но серое пятно не приближалось. Я подумал, что это может быть мираж из-за нехватки воздуха, и неожиданно вынырнул на поверхность. Жадно хватая ртом воздух, я обнаружил, что яхты и в помине нет, очевидно, она перевернулась и затонула.

Меня обуял панический ужас, ведь я остался наедине с грохочущим, как грозный зверь, океаном. Совсем один в необъятной и разъярённой пучине, беззащитный против всесильной стихии, которая превосходила меня размерами и мощью в миллионы раз. Тёмные волны швыряли меня как щепку, а непроглядные чёрные тучи, словно венец доминирующей природы, насмешливо подмигивали молниями.

Вдруг я увидел сотканную из грязно-серых облаков на фоне чёрных, громадную, на большую часть обозреваемого неба, страшную пасть акулы с множеством острых зубов, на кончиках подёрнутых дымкой. Туловище её таяло вдали, но в нём, из таких же серых облаков, словно отражая тёмную воду, вырисовывались десятки мелких акул. Их косяк немного заворачивал под нижнюю челюсть. К этому месту он по цветовой гамме будто наливался водой, готовый рухнуть с небес в исконную среду обитания, — и растворялся в огромной пасти большой акулы.

Как всесильная судьба, смотрела акулья пасть с небес, готовая съесть меня живьём. Океан оглушительно грохотал, но к нему добавился и другой рёв. Гулкий и мощный рёв с мрачного неба.

Неожиданно я почувствовал, что бестелесная сила обволакивает меня и тянет вверх. Я попытался уцепиться за что-нибудь, но вокруг не было ничего, кроме воды. Я вырвался из объятий океана и полетел вверх, оставляя внизу бушующую пучину. Полетел прямо в чёрное небо, прямо в развёрстую пасть акулы, и мне казалось, что океан теперь сверху, а я падаю вниз. Я закричал, но мой крик тонул во всё нарастающем рёве.

Я проснулся от своего крика. Руки сновали, судорожно нащупывая твёрдую почву. Когда понял, что подо мной постель, я сел.

В оглушительной тишине пульс, словно металлический язык в колоколе, бился об виски. Вокруг было темно, но светлой зимней ночи было достаточно, чтобы узнать очертания моей комнаты. Потребовалось некоторое время, чтобы я почувствовал себя в безопасности, однако тяжёлое послевкусие сна не проходило. К нему же прибавилось ощущение дежавю, которое в последнее время преследовало меня часто.

Я снова лёг и попытался заснуть. Но стоило сомкнуть глаза, как меня захлестнула новая мысль, окончательно разрушившая мои надежды на спокойный остаток ночи. Я вспомнил, что об этом сне мне рассказывал сотрудник несколько дней назад. Говорил, что ему это приснилось, но, в силу ограниченного лексикона и абсурдности сна, он не мог как следует описать его. Однако теперь я понял и ощутил все тонкости и детали, которые он хотел до меня донести.

Продолжение следует...

Интервью с автором

Кроме самих историй, интересно узнавать и людей, которые за ними стоят. Ввиду того, что целью нашего журнала является поиск современных авторок и авторов, на страницах нашего журнала мы будем вам рассказывать о людях, которые печатаются у нас, и наш сегодняшний гость — автор «Акулы в чёрном небе», повести в трёх частях, первую из которых вы, надеемся, уже успели прочесть: Дмитрий Федюшин.

Наша редакция вышла на связь с ним, и теперь с гордостью представляет вам нашу беседу.

Здравствуй! Расскажи о себе: публиковался ли ты где-нибудь до этого? В Сети же много площадок: Проза.ру и СамЛиб, Дрим и Фикбук, ЛибНет/БукНет — при желании есть, где показывать свои работы.

Да, мои произведения опубликованы на Литресе, Майбуке и прилегающих к ним сайтах через их самиздат. Просто бесплатно, чтобы люди читали.

Также в одном интернет-журнале, который первый меня напечатал[1].

В бумажные журналы подавался, но их мало и пока с этим глухо. Вот сейчас мой новый рассказ «Радуга» рассматривает. В общем, пока — в Интернете, но уже нашёл читателей! А вот собственно площадки, где их больше всего[2].

В личной беседе ты говорил, что «научился писать только к 23 годам», и сейчас у тебя уже пятый год, как ты сам выразился, «серьёзного» творчества. Что ты вкладываешь в понятие «научился писать»? Когда и как к такой мысли пришёл?

Я пишу с 7 лет, но раньше всегда было так — проходило немного времени, я перечитывал написанное и понимал, что дело плохо и что сейчас пишу лучше. В детстве развивался быстро, а к 23 процесс замедлился и, конечно же, сейчас, через 5 лет, я пишу лучше, но разница уже не велика. Сейчас, когда перечитываю написанное какое-то время назад, стал чаще приятно удивляться: «Неужели это я написал?», и гораздо реже встречаются огрехи, за которые стыдно.

Почему выбрал для себя именно малую форму? Те истории, которые ты нам прислал, структурно очень похожи.

У меня есть повести и рассказы. Сами произведения такими выходят. Я никогда не насилую материал, стиль и подачу. Само произведение диктует, каким ему быть, я доверяю потоку. К тому же читать больше люблю рассказы, повести и небольшие романы.

Литература для тебя — это работа или хобби, если говорить о количестве усилий, которые ты в неё вкладываешь? Работаешь по вдохновению или это процесс?

Литература — это дело всей жизни. Это единственная работа, которую я по-настоящему люблю. У меня всегда есть несколько идей наперед, они приходят мне в голову быстрее, чем я успеваю писать. Я уже заметил, что три недели без каких-либо занятий литературой, будь то написание чернового варианта или редактура, и всё становится немного бессмысленным в жизни. Когда пишу, то с радостью занимаюсь и всем остальным, живу полной жизнью.

Будни писательства требуют дисциплины, и чисто по вдохновению не получится. Стараюсь писать каждый день утром перед работой. Иногда и на выходных. Немного, по часу-два в день. Если бы не работал, удавалось бы больше. Но у меня нет чётких сроков, я просто должен выдать качественный продукт и сделать для него всё на максимуме моих сил и таланта на данный момент.

По поводу «качественного продукта» когда ты понимаешь, что работа над историей

закончена, и к ней можно не возвращаться?

План таков: написал, прислушиваясь к сердцу. Дал вылежаться с месяцок, чтобы быть непредвзятым. Потом редактирую, и редактура обычно забирает почти вдвое больше времени, чем написание.

При редактуре прочёсываю текст на всех возможных уровнях: от грамматики и правильно подобранных слов до мотивации персонажей и естественной психологической последовательности. Задаю себе вопросы о концепции: о чём эта история, что нужно усилить. После редактуры даю прочитать нескольким друзьям и папе. Исправляю по некоторым их замечаниям — и всё, я сделал всё, что мог. Если в чём-то сомневаюсь, то оставлю себе время ещё подумать, пока не приду к окончательному решению. А потом выпускаю материал и никогда к нему не возвращаюсь, потому что приходит время работать над новыми текстами.

Что для тебя первостепенное, когда начинаешь работу над историей: какой-то прикольный концепт и сеттинг или вполне конкретная идея?

Наверное, концепт и сеттинг. Изначально есть история, ситуация, а конкретные идеи появляются во время написания, некоторые и при редактуре. Я, например, почти никогда не знаю, чем закончится книга. История сама ведёт меня по своей внутренней логике, иными словами, я прислушиваюсь к чутью. И нередко бывает, что читатели замечают в произведении что-то, что я даже сам не заметил. Это неизбежно и даже прекрасно.

Ты профессионально пишешь уже пять лет, и завершённых историй у тебя тоже чётко пять. Это, выходит, по повести в год? Как много времени занимает работа над историей?

За эти 5 лет я написал 4 повести и 2 рассказа, последний сейчас на модерации. Ещё сценарий короткометражного фильма, но режиссёр не нашёл гранта. Ещё есть полсценария полного метра по «Человеку с тающим лицом». Написание этой, самой большой моей повести, заняло у меня 3-4 месяца, редактура — полгода. Плюс перерывы, пока друзья прочитают, и так далее. Если так посмотреть, выходит где-то по повести в год. Я очень скрупулёзный. (*смех*) Но если бы не ходил на работу, выходило бы в три раза быстрее.

Ты упоминал, что показываешь работы папе. Насколько тебя в творчестве поддерживают родители?

Мама дала мне очень свободное воспитание и всегда поддерживала идею о том, что человек должен заниматься тем, что ему нравится. Папа у меня классический обыватель, думающий всегда практично, но уже и он поверил, что я настоящий писатель, что я отношусь к этому серьёзно и могу написать что-то стоящее.

Насколько для тебя важны отзывы читателей?

Вообще книги пишутся для читателей, и для меня очень важно, чтобы людям нравилось. Фидбек от близких людей особенно значим, и мне здесь повезло: если им что-то не нравится, они не скрывают и разъясняют свою позицию.

Есть писатели и книги, которые дарят незабываемые ощущения, мысли, эмоции. Я всегда мечтал быть способным подарить нечто подобное людям. Передать дальше, не только потреблять, но и производить. (*улыбается*) Мне всегда нравилась мысль, что между автором и читателями есть невидимая связь. Я вот сейчас сижу дома, а кто-то читает мою книгу, и в его голове поселяются мысли, которые раньше были моими. Чем больше читателей, тем крепче и шире сеть связи, которая исходит от меня.

А было ли такое, что или на этапе редактуры, или при получении отзывов разочаровывался в произведении и отказывался от него?

Я так или иначе отказался от всех произведений, написанных до «Акулы». Сразу после написания они казались успешными, но теперь я считаю их незрелыми. Но мне, наверно, повезло — ни у одного моего произведения не было подавляюще плохих отзывов.

Случаются ли мысли, что твоя денежная работа мешает твоему творчеству?

Да, работа очень мешает творчеству, я бы написал за эти 5 лет гораздо больше, если бы не работал, это правда. И я думаю о возможных способах заниматься только писательством, я бы очень этого хотел. Все мои амбиции сосредоточены на нём, оно для меня на первом месте, через него я реализуюсь

Многое в жизни пришлось послать подальше, потому что не хотел этим заниматься. Раньше я как-то находил компромиссы, но теперь у меня появился путь: уйти с работы и заняться только писательством. Денег будет мало, но я всегда мечтал пожить такой жизнью.

Возникает ли у тебя при этом чувство одиночества или безнадёги?

Безнадёга у меня наступает иногда, когда я думаю о продвижении писательства, это меня очень утомляет. Это самое неприятное — стучаться в двери, где тебя не ждут. А ещё — писать синопсис. Это очень трудно: собственное произведение, в котором для тебя всё важно, надо изложить на полстраницы. Сказать всё самое важное, не сказав почти ничего.

Но потом я смотрю на книжные полки с текстами любимых писателей и думаю: «Я бы никогда не насладился их литературой, если бы они в определенный момент сдались». Это придает мне сил. (*улыбается*)

Ты часто в своих работах поднимаешь дарковые материи. Почему именно такие направления? Чем в принципе является для тебя хоррор?

Хоррор я полюбил лет с 9, и к 13 годам посмотрел кучу «ужастиков». Читал детские триллеры Роберта Стайна, с 12 — Стивена Кинга. Со временем добавился Говард Лавкрафт и другие, и я проникся. Сейчас я люблю в литературе и кино большое количество разных подходов, жанров и стилей. Правда, редко встретишь качественный чистый хоррор, а вот в комбинации с триллером, фантастикой, психологической драмой — совсем другое дело. Я люблю, когда в истории есть элемент мрачного. Например, фильм «Выживший» с Ди Каприо не хоррор, но он мрачный, и я его обожаю. Фильм «Остров проклятых» или «Голова-ластик» Линча — про них могу сказать тоже самое.

«Человек» и «Акула» в своей сути концептуально очень похожи. Так совпало, что конкретно в тот период ты игрался с темой безумия и допущения различных я-реальностей, или оно является центральной темой в принципе?

Тему безумия и допущения различных я-реальностей я исчерпал для себя «Человеком» и «Акулой в чёрном небе». Всегда обожал эту тему в кино и литературе, но на данный момент пресытился. Остальные мои работы про другое, как мне кажется, тем не менее, их определённо объединяет вопрос зыбкости реальности и искажения нашего восприятия. Действительность, как нечто непознаваемое, а мы замкнуты в иллюзорных представлениях о ней. Именно поэтому я уже систематизировал 4 повести и 2 рассказа в сборник и назвал его «В поисках реальности».

В работах у тебя была также тема про сон от двух личностей, про сон-окно в иное, про попытку воссоздать образ из детства. Столкновение с альтернативной реальностью для тебя и твоих героев — это скорее нечто чуждое, враждебное «нашему» или благо, нечто вполне самобытное, способное существовать вне этого плана бытия?

Мой рассказ «Версии сна, версии жизни» именно про серию снов двух разных людей, что они для них означают, и к чему могут привести. Сама по себе альтернативная реальность — отнюдь не всегда враждебна с точки зрения её обитателей. А как мы относимся к ним и к тому, что за нашей гранью — вот, что самое интересное.

Все твои работы написаны от первого лица. Почему так? Пробовал ли писать от третьего?

Я люблю писать от первого лица. Всё начинается с мысли: «Что, если бы это произошло со мной?» И для меня всегда важны собственные психологические переживания в разных ситуациях.

Как читатель я тоже больше всего ценю взгляд изнутри. Глубина переживаний, глубина чувств — это то, что меня лично цепляет, и достичь такого результата легче, если пишешь от первого лица. Например, у Фолкнера есть роман «Шум и ярость» где одна и та же история подана от лица разных персонажей, через их восприятие. Это невероятное погружение.

Первое лицо — это сложный инструмент: в этом случае тебе нужно транслировать мысли персонажей, а не свои собственные. Насколько мировоззрение героев и их взгляды совпадают с твоими?

Поначалу главные герои были во многом похожи на меня, даже если история нуждалась в другом, но со временем я научился, как

мне кажется, создавать довольно разных персонажей и выражать их устами точки зрения, в том числе не характерные для меня, но которые я подмечал у других. Я считаю, тут подспорьем служит умение понимать окружающих.

А какой типаж героев тебе ближе всего, о каких людях тебе интереснее всего писать?

Не люблю делить людей на типажи, это упрощение. Каждый человек — это кладезь парадоксов. И, если говорить здесь о предпочтениях, то я люблю подмечать эту парадоксальность и в жизни, и в книгах. Думаю, такие вещи делают персонажей по-настоящему живыми.

А вообще привлекают самые обычные люди — такие, как я и те, кто меня окружает. Остальные детали обычно не важны, если не задевают сюжет. Я чаще даже не пишу, кем человек работает. Например, в «Человеке с...» — начинающий писатель, потому что того затребовала история. В «Падении в реку Карцер» — заключенный, совершивший убийство, — по той же причине. Я ведь и сам обычный человек и часто воображаю необычные, а то и космически-ужасающие обстоятельства, в которые потом вписываю своих героев.

Напоследок, что хотел бы пожелать нашим читательницам и читателям?

Наслаждайтесь хорошей литературой и всячески балуйте себя. И помните: за любой закрытой дверью вас могут ждать новые интересные впечатления.

1

2

Тексты Дмитрия Федюшина и дальше будут появляться в нашем журнале.

Искренне надеемся, что его работа пришлась вам по душе.

ОКЕАН

Максим Кабир

Лазар никогда не покидал пределов города и потому не мог до конца осознать, насколько странное это место. Конечно, он читал книги о шумных мегаполисах, купавшихся в неоновом свете или о деревеньках, окружённых зелёными просторами. Маленький лобастый телевизор транслировал фильмы и сериалы, в которых к пушистым облакам взмывали небоскрёбы, плескался голубой океан, а по пляжу бежала невероятной красоты девушка в красном бикини. Океан, купальники и широкие площади столиц были для Лазара такой же фантастикой, как холмы Средиземья.

Начнём с того, что в городе Лазара месяцами не видели солнца. Серая муть клубилась над невзрачными черепичными крышами днём. Тучи будто намалевали на театральной кулисе, и с тех пор прошло так много времени, что кулиса частично сгнила. Зато ночью смог рассеивался, и луна заглядывала в окна. Она была жёлтой и пятнистой, как кариозный зуб, а в полнолуние она и пахла, как зуб; ну или что-то иное распространяло по узким извилистым улицам сладковатый запах тухлятины. Дома стояли так тесно, что можно было прошагать город по кровлям, от консервной фабрики до крематория, и от крытого рынка до заколоченной церкви.

Но большинство муниципальных законов касались именно крыш, и никто не осмелился бы на такую прогулку. Перестраховываясь, бабушки рассказывали внукам про Черепичных Обжор, Костяного Верхолаза и — бррр! — Дымаря; дети с материнским молоком впитывали страх перед всем, что сверху, что выше чердаков. Но на чердаки тоже никто не поднимался. На чердаках постоянно скреблось и шепталось, оттого квартиры на последних этажах стоили копейки.

Сквозь город протекал чёрный канал, окантованный осклизлыми булыжниками и позеленевшими перилами, в его устье находился магазин антикварных игрушек, но о нём я не хочу говорить. Старинные дома зарастали лишайником. По проулкам плыл туман, в его ядовитых испарениях кишели вездесущие крысы и ещё разное.

Все без исключения жители появились на свет в роддоме со стенами, выложенными из пенобетона — или же в своих крошечных лачугах, в обшарпанных ванных, в затхлой воде, выцеженной из ржавых кранов. Они учились — или же будут учиться — в школе, огороженной тройным забором, в холодных классах с постоянно гаснущими лампочками. Во мраке учащиеся прижимаются друг к другу, а педагоги бормочут испуганно на несуществующем языке, и электрик крестится, спеша по коридору, и смешно спотыкается.

Город гордился своим двухсотлетним университетом. Приземистые корпуса располагались на южной окраине. ВУЗ снабжал город специалистами: врачами, учителями — теми, что бормочут на несуществующем языке, инженерами.

Вы должны понять, что люди не покидают малую родину, и не спрашивайте, почему. Не спрашивайте, что случится, если какого-нибудь глупенького мечтателя поманят небоскрёбы в телевизоре, океан или девушка в красном купальнике.

Цыц.

Здесь были офисы, напичканные современной техникой, жужжащие и пахнущие так же, как офисы в любом другом месте, но щупальца миазмов искали вход в вопиюще-светлые офисные ячейки, осторожно ощупывали стеклопакеты; в стены за пластиковыми панелями вмурованы раковины устриц и человеческие зубы. Здесь были

роскошные рестораны с вкусной едой и живой музыкой, но сразу за ними скрипел дремучий лес, и официантки старались не смотреть на корявые сосны и не зацикливаться на совах.

Никто не смотрел в проулки. Никто не думал о совах.

Да, вы можете родиться здесь, сделать карьеру, состариться и умереть, и вас сожгут в печи, в славном сосновом гробу. С возрастом вы начнёте сомневаться в реальности океана, широких площадей и красных купальников. Вполне допустимо, что за лесом ничего нет, и железнодорожные рельсы в десяти километрах от города просто обрываются. А цирюльник и гинеколог врут, пройдохи, что бывали в столице.

Здесь очень многое похоже на бутафорию. Как мороженщик, у которого нет ни ногтей, ни лунок для ногтей на пальцах, или как кинотеатр, который крутил один и тот же фильм про девочку-циклопа, перемещающую толстых кукол так и сяк, чёрно-белый фильм из дохристианских, доисторических эпох.

Лазару исполнилось пять, когда умер отец. Это была хорошая смерть — так говорили местные о смерти от естественных причин — в данном случае от рака. Лазар жил с матерью в относительно большой квартире. Мать пропадала допоздна на работе. Она трудилась секретаршей в громадном гранитном здании на проспекте Ревнителей — в мэрии. Любопытно, что никакого мэра не было в природе. Раз в пять лет депутаты отпирали дубовую дверь, разгоняли фонариками мрак, усаживали за стол ростовую куклу, забирали куклу-предшественника, изжёванную и покрытую гноем, и тихонько удалялись.

Так выглядела здешняя смена власти.

В сумерках Лазар взбирался на подоконник и смотрел, как передвигаются слои тумана, как накрапывает унылый дождь или падает снег, больше похожий на пепел. Он ждал маму, и он повторял: «Я люблю тебя». Стискивал кулаки и говорил: «Я люблю тебя».

Маленькие ритуалы крайне важны, если Бога нет.

Вы, наверное, решили, что этот город населяли мрачные и жестокосердные типы, но поспешу вас разубедить. Люди здесь жили добрые, по-своему весёлые.

Семья Лазара — семья с одним ребёнком — была скорее исключением. Правилом считались многодетные семьи, сплочённые, неразлучные. В городе не было одиночек. Вообще. Статистика разводов поразила бы вас, ибо тут никто не разводился. Стариков оберегали, как зеницу ока, за ними ухаживали, их носили на руках. Молодёжь рано связывала себя узами брака, к двадцати пары обзаводились малышами; студентки ходили на лекции с грудными младенцами или с красивыми округлыми животами. Беременность подразумевала свадьбу, а свадьба — скорую беременность. Семейное насилие каралось ровно так же, как и везде по стране, но проблемы такого рода в городе не существовало.

Парадоксально: здесь целовались и признавались друг другу в любви в три раза чаще, чем в городах, озарённых солнцем.

«Я тебя люблю», — шептала пожилая женщина своей почти столетней матери.

«Я тебя люблю», — порывисто выдыхал мальчик под сенью буков, и девочка падала в его объятия.

«Он меня любит!» — радостно восклицала старшеклассница, показывая подругам записку с робким признанием.

Всё шло своим чередом. Лишь однажды привычный уклад дал сбой. От удивления хозяйка перманентно пустующего пансионата выронила вязание. У неё появились постояльцы! И они не были агентами спецслужб или коммивояжёрами, всё-таки изредка посещавшими город. Они планировали жить здесь, словно не замечали, как извиваются тени деревьев, как омывает ручей коровьи черепа, как злобно глядят на прохожих замшелые маскароны.

Известие быстро облетело город: от консервной фабрики до крематория, от крытого рынка до заколоченной церкви. В апартаментах с видом на канал поселился замкнутый молчаливый мужчина и девочка, ровесница Лазара.

— Он что-то натворил, — рассуждал цирюльник, орудуя утюжком. Лазар катал по мозаичному полу парикмахерской грузовичок, пока маме делали причёску.

— Там, — цирюльник кивнул на густой

туман за витриной, — он влип в неприятности и теперь прячется.

Проходя мимо пансионата, Лазар с интересом рассматривал единственное горящее окно.

В сентябре директор представил классу новую ученицу. Её звали Эва, и она была хромоногой. Тушевалась и дрожала под пристальными взорами шестиклассников, и схоронилась в полумраке галёрки. На перемене все обсуждали дырявый свитер новенькой, заячью губу и горб, хотя никакого горба не было. Свитер и губа были, а горб они пририсовали.

Эва стала частью теней на задней парте, но не частью класса. Подростки переживали первую любовь и не находили времени даже поиздеваться над хромоножкой. Что касается Лазара, он был влюблён в актрис из телевизора и в амазонок из библиотечных книг.

Осенью и зимой школьники посещали бассейн, приютившийся у древней водонапорной башни. Таинственное место с гулким глумливым эхом в пустых помещениях. Тренер не сводил с детей глаз, и в душевых включал громкую музыку, отвлекая подопечных от ласковых голосов из сливов. Мари, дочь инкассатора, как-то сказала одноклассникам, что тело Эвы испещрено синяками.

«Она, наверное, очень неуклюжая», — вздохнули школьники.

На заплесневелой холстине экрана в безлюдном кинозале одноглазая девочка играла с поломанными куклами, её глаз вращался против часовой стрелки.

В Сочельник дети возвращались из бассейна, жёлтый автобус развозил их по домам. Звучали рождественские гимны, водитель по имени Антал, подпевал радио. В салоне оставались Эва и Лазар и близнецы Манойлович. На каменном мостике, перекинутом через ручей, автобус заглох. Лазар поскрёб заиндевелое стекло и увидел бурелом, напоминающий свалку грудных клеток, и сучья, торчащие так и эдак, и смутные фигуры на берегу. Радио зашипело взбешённой змеёй. Ветер ударил в борт автобуса, по мосту поползли тени.

— Человек-Из-Пепла! — воскликнул Тамаш Манойлович.

— Человек-Из-Пепла — сказка, — возразил Жужа Манойлович.

— Тогда что это такое? — Тамаш ткнул пальцем в окно.

Сгусток тьмы, ледяной, чуждый всему живому, отпочковался от леса и пёр к автобусу, к маленькому аквариуму, наполненному светом и биением детских сердец.

Близнецы уставились испуганно на Эву. Девочка мелко тряслась.

— Вылезай! — крикнул Тамаш.

— Убирайся прочь! — крикнул Жужа.

Будто это она пригласила из чащобы мыслящую тьму.

Лазар вжался в сидение, и тут старый неповоротливый Антал соскочил с водительского кресла, метнулся по салону и упал на колени перед Эвой. Он схватил её за руку...

«Он её выбросит! — подумал Лазар, — отдаст на съедение ночи!».

...Но Антал заглянул Эве в глаза и сказал чистым громким голосом:

— Я люблю тебя. Слышишь? Я люблю тебя, маленькая.

Всё кончилось в тот раз. Забренчали рождественские колокольчики, загудел упруго двигатель. Тьма всосалась в хилый березняк. Автобус поехал по узким улочкам, и никто больше не вспоминал о случившемся.

И Эву выбросили из головы, когда она перестала приходить в школу весной. У города были свои проблемы — проблемы с крысами и арлекинами, чтобы заботиться ещё и о чужаках. Видать, отец затосковал за солнышком, и забрал Эву в другой неприветливый город, в другую школу, где ей также не будут рады.

Очередную ростовую куклу вволокли в дурно пахнущий кабинет и объявили мэром. В ту ночь кинотеатр, крутивший один и тот же фильм про девочку-циклопа, сгорел, и многие восприняли это как добрый знак. Город жаждал перемен, и перемены случались, пусть и медленно, едва уловимо.

Тамаш и Жужа Манойловичи, например, уехали в столицу, поступили в университет, и присылали родителям письма и фотографии. «Это чучела на фотографиях», — хмурилась их бабушка, но, вооружившись увеличительным стеклом, исподволь соглашалась: «Нет, живые, настоящие».

Горожане смотрели, разинув рты, как на пепелище возводят — немыслимо! — здание из стекла и бетона. Каркали, здание провалится сквозь землю, в пустоты под площадью, но оно стояло себе, отражая плавное течение вод в канале. И в нём поселились люди с широкими улыбками и хорошими снами.

Что касается Лазара, он стал единственным студентом литературного факультета, его преподавателями были лучшие поэты и писатели города. Мать всплескивала руками: так ты никогда не женишься! «Мне и с тобой хорошо», — отвечал Лазар. Худенький мечтательный мальчик превратился в долговязого мечтательного паренька. К второму полугодию он уже подрабатывал в книжном магазине. Он был слишком нескладен и некрасив, чтобы нравиться слабому полу, и потом, он сочинял рассказы, а это, как вы понимаете, не увеличивает шансы на успех у женщин.

В рассказах Лазара шумел океан, простирались бескрайние прерии, и загорелые красавицы бежали по пляжу. И, пока вы не записали Лазара в число непризнанных гениев, уточню, что его проза была топорной, напыщенной и наивной.

У него имелись приятели, но не было настоящих друзей: ровесников интересовали лишь собственные семьи и вопросы финансов.

В день, когда мама узнала, что смертельно больна, Лазар взял из магазина книгу, осыпающуюся засушенными листьями, расплющенными пауками и ресницами. На пожелтевших страницах разворачивалась полная умолчаний и недомолвок история города. Лазар пролистал от конца к началу и дотронулся пальцами до гравюры. Рисунок изображал основателей: пять семей на фоне кибиток и леса. Суровые бородатые мужчины крепко обнимают жён, жёны держат в охапке детей, а позади поселенцев — сосны и ещё что-то, прячущееся за деревьями.

— Человек-Из-Пепла, — прошептал Лазар, обводя ногтем тощую фигуру.

Трель телефона заставила подпрыгнуть.

— Алло? Сейчас! Мам, это доктор Дьюла!

Промелькнуло прохладное лето. Мама худела стремительно. Она испытывала сильные боли и больше не ходила на работу, но всё, что её волновало: будущее сына.

— Обещай мне! Обещай своей матери!

Он пообещал.

В понедельник он заговорил с первой вошедшей в магазин девушкой, благо, было темно, и он не сразу рассмотрел, какая она хорошенькая, а то испугался бы. Девушку звали Вивианна. Прижимая к груди кулинарную энциклопедию, она сказала:

— Ладно. Приходи за мной после девяти. Я работаю в «Трёх карликах» официанткой.

Через месяц они сыграли скромную свадьбу — такие дела делались быстро в городе, окружённом лесом. Мать стошнило за праздничным столом, но она была счастлива. «Теперь всё образуется» — сказала она. И вскоре умерла в муках, умерла хорошей смертью, как это называлось здесь.

В брачную ночь Вивианна скинула своё платье и была красивой, словно луна — не та луна, что царила над черепичными крышами, жёлтая и гнилая, а луна из телевизора, серебряная, драгоценная.

Лазар завязал ей глаза и попросил представить яхту в океане, качающуюся палубу под ногами, «чаек над нами, чаек над нами, чаек». Она сказала, снимая повязку: «Это глупо».

Вивианна заставила его уволиться из магазина. Тесть устроил Лазара на полставки в престижную компанию, поставляющую горожанам питьевую воду, и там был нарисованный океан на окне, а если приблизить лицо к фальшивым волнам, можно было увидеть настоящий пейзаж снаружи, увидеть коряги, болота и непролазный лес.

Лазара лишали премии за нерасторопность. Он запирался в туалете, чтобы почитать. Вивианна не любила, когда при ней читают. Она говорила: «Развлекай меня, ты же мой муж».

— Странно, — за ужином сказал Лазар.

— В этом городе люди так любят своих родителей, супругов и детей, но совсем не уделяют внимание посторонним. Я живу в доме двадцать лет, и так и не познакомился с соседями.

— Зачем любить посторонних? — удивилась Вивианна. — Любви слишком мало, чтобы тратить её на других.

Весной она послала Лазара в больницу — одну из новых больниц, отнявших территорию у старинных особняков. Медсестра вручила баночку: «Вы знаете, что нужно делать». Лазар думал о блондинке в красном купальнике, мастурбируя.

— Мне жаль,— сказал молодой доктор по фамилии Вайор. Он смотрел на Вивианну, не на Лазара. — Сперма стерильна. Вы не можете иметь детей.

Вивианна вскрикнула, как ворона. Некрасивые звуки жили в совершенном теле.

— Давай возьмём ребёнка из приюта, — утешал её Лазар по дороге домой.

— В городе нет приютов.

— Мы съездим в другой город!

— В какой ещё другой? — она рыдала, и пинала его, и била по щекам, и больше не занималась с ним сексом.

Он напивался в кабаке и приходил к «Трём карликам», понаблюдать, как жена маневрирует между столиками, лёгкая и прекрасная, как болтает с поваром или приносит Вайору пирожные. Доктор Вайор постоянно захаживал в «Карлики». Он был холостяком, но его любили медсёстры, даже замужние.

«Мы что-нибудь придумаем», — говорил себе Лазар. Он решил написать роман и прославиться. Увести супругу к морю... почему нет? Зазевавшись, он оскользнулся на льду и едва не сверзился в канал. Съехал по пологому бережку, сел задницей в конский навоз.

Дома Вивианна одарила презрительным взглядом, хлопнула дверью, уединяясь в спальне.

На годовщину свадьбы Лазар купил колье. Пришлось продать семейные реликвии,

материнские украшения, пыльные гримуары, доставшиеся от отца.

Ужинали в ресторане, украшенном праздничными тыквами. Глаза Вивианны переливались, как камни, быстрые пальчики теребили колье. Она сказала:

— У меня тоже есть сюрприз для тебя. Давай прокатимся.

Над рестораном торчал жёлтый клык луны. Крысы шмыгали по мусорным кучам. В опасной близости находился магазин антикварных игрушек, но о нём ни слова.

— Это кто там, за контейнерами? — Лазар прищурился. — Док Вайор?

— Поехали, — поторопила Вивианна, садясь за руль.

Автомобиль петлял запутанными улочками в северной части города. Большинство домов здесь пустовало, в распахнутые окна, как псиные языки, выплёскивались занавески, словно промозглый ветер дул из бесхозных квартир. Вивианна припарковалась у билборда, рекламирующего кошачий корм.

— Это пришпилено к витрине в конце проулка, — оглаживая колье, она указала налево. — Иди.

Он улыбнулся растеряно, глупо так улыбнулся, и вышел в ночь. Палая листва шуршала под подошвами. Фонари освещали маршрут. Когда-то тут были пабы и гастрономы, но теперь лишь тьма обитала за грязными стёклами, и всякая дрянь ползала по старомодной барной стойке. Лазару померещилось, что столы с поставленными на них перевёрнутыми стульями — это рогатые тролли, караулящие путника. Он поёжился, подходя к галантерее, которой заканчивался проулок. В устье топорщились лысые деревья, точно огромные пауки.

Двери магазина были стянуты цепями, к витрине прилип бумажный прямоугольник.

Лазар сорвал записку, и в этот момент позади зарычал мотор. Автомобиль сорвался с места. Вивианна умчалась, бросив его на краю леса.

— Что за шуточки? — Лазару стало холодно и страшно, стало так одиноко, что слёзы потекли по щекам. Он не желал читать короткую фразу на бумажке, но он прочёл.

«Я не люблю тебя».

— Нет, нет, нет...

«Я не люблю тебя».

«Не люблю».

Фонари погасли. За стёклами Лазар увидел манекенов. Они притаились во мраке, в пыли и паутине, и подсматривали. Их конечности изгибались под дикими углами, а напомаженные губы хищно ухмылялись.

Но не пластиковые соглядатаи испугали Лазара.

Он услышал скрип, кряхтение, оглушительный треск — что-то приближалось из чащи, ломая сучья, выкорчёвывая кусты. Нюх уловил запах костра, прогорклый запах дыма. Лазар остолбенел, способный лишь моргать. Почувствовал привкус пепла на языке, словно он лизал пепельницу. Пепел на нёбе, в пересохшем тоннеле горла, в лёгких и в желудке.

Он закричал.

И кто-то вцепился ему в локоть, развернул, растормошил. Незнакомец скинул капюшон, оказавшись незнакомкой, молодой некрасивой женщиной с лицом, изувеченным заячьей губой.

«Эва?» — хотелось заорать. — «Беги отсюда, спасайся, не то Человек-Из-Пепла заберёт нас обоих!» — но Лазар онемел.

За спиной ломались тонкие деревца, что-то шло через подлесок, и вонь костра усилилась. Какую дрянь они жгут? Шерсть? Нелюбимые игрушки? Ненужных людей?

На груди Эвы шипело радио. Ему в унисон шипели манекены в галантерее. Эва посмотрела Лазару в глаза, зажмурилась и снова посмотрела.

— Я люблю тебя, — тихо сказала она.

Это была правда — если Лазар мог различить правду среди плевел лжи.

Шум резко прервался. Вспыхнули фонари, манекены нехотя уползли в свои пыльные гнездилища. Лазар отпрянул, его стошнило чёрной слюной и чёрной желчью, моллюсками и комьями пепла.

Эва участливо похлопала по плечу. Радио больше не шипело. Оркестр играл

бибоп. В лабиринтах промзоны она расскажет Лазару, что отыскала его с помощью радио. Эва не вспомнила одноклассника, и они познакомились заново в смрадном тумане.

— Тебе нравится джаз?

— Я никогда его особо не слушал...

Эва жила в коморке с видом на консервную фабрику. Стены украшали размытые фотографии. Горожан снимали исподтишка, без их ведома.

— Эти люди в опасности, — сказала Эва, снимая ветровку. — Они могут остаться одни, овдоветь, осиротеть, их могут предать и выбросить.

Лазар понял, почему в городе нет одиночек. Он нашёл свой снимок среди прочих: лохматый замечтавшийся парень читает книгу на парковой скамейке.

— Мне надо покормить отца, — сказала Эва.

Исхудавший старик ел из ложечки и обеспокоенно косился на гостя. Он растерял разум, забыл все слова, кроме двух: «прости меня». Он повторял опять и опять, трогая дочь за руку сухой своей лапкой: «прости меня», «прости меня», «прости меня».

И она прощала опять и опять.

Глядя на Эву, Лазар видел океан и красные купальники, и серебряную луну.

Это был странный город, если только вы не родились здесь и не прожили достаточно долго, чтобы вникнуть в его хитрые правила, научиться не думать о совах, и избегать подворотен.

Два человека, навеки вычеркнутых из памяти соседей и близких, бродят в тумане и прислушиваются к гитарам и саксофонам. Они носят джаз на груди, а океан в сердце, и тьма расступается.

Слишком много любви. Хватит на всех.

Текст опубликован в авторской редакции.

Він. Вони.

Анна Ліндберг

Енді ненавидить писати. Він зрозумів це вже давно, напевно, ще у дитинстві, але саме у цю мить, стоячи за кулісами невеличкої сцени у центральній букіністичній крамниці, відчув, як його наче струмом прошибло від очевидності.

Вони змусили його писати. Яким телепнем треба було бути, щоб хоч на мить повірити, що написані його рукою історії йому й належать?

Цього не має відбуватися, він не посміє вийти на сцену до глядачів. Він визирнув за лаштунки, оглядаючи публіку, яка обмахувалася отриманими на вході брошурами від видавництва. Такі вичікуючі погляди! Енді і сам відчув краплі поту на лобі, та не знав, чи то справа була в духоті приміщення, чи у буремних думках, які тягнули його геть із крамниці. Він квапливо озирнувся навколо у пошуках свого піджака, але згадавши, що той залишився у читальній залі, лиш змахнув рукою і стрімко вискочив у прочинені двері запасного виходу.

Енді біг містом, гублячись у провулках та не розбираючи повороти вулиць, наче намагаючись збити їх зі шляху, залишити їх у якомусь закутку, але вони тягнулися за ним, ніби проростаючи крізь його білу сорочку, заповнюючи собою увесь простір. Енді ледь не збив жінку з візком, виринаючи з підворіття, і не маючи сил дихати, зупинився. Легені горіли, в голові паморочилося. Енді сперся спиною на стіну. Він знав, що вони чекають. Чекають на останнього з них. Він знав, наскільки сильнішим буде цей, останній, але не знав, скільки часу у нього залишилося, щоб усе виправити. Швидше, Енді, ШВИДШЕ!... Усе почалося з Ґеррі. Перша їхня з Енді зустріч трапилася трохи раніше за його шестиріччя, після чергової «серйозної розмови» з батьком — ґуля на потилиці боліла Енді ще два тижні після отриманих стусанів, але гірше було його молодшій сестрі: батькове покарання за голосний плач залишило її німою на все життя. Того вечора Ґеррі став йому товаришем — найближчим на наступні кілька років. Саме Ґеррі навчив Енді брехати: спочатку щоб йому та сестрі менше діставалося від батька, але згодом Енді так звик повторювати ту брехню, що вже не міг себе він нього відрізнити. Ґеррі змушував Енді брехати раз за разом, день у день, аж поки Енді благав відпустити його, а отримавши відмову товариша, зовсім припинив говорити будь з ким. Але Ґеррі не відступав. Він нашіптував Енді усе дивніші та неймовірніші вигадки, затуманюючи його розум, і Енді божеволів від необхідності випустити усю цю бридню зі своєї голови.

Намагаючись припинити цей жах, одного дня десятирічний Енді просто виліз на замшілий дах п'ятиповерхового будинку, готовий зістрибнути... та, вже біля самого краю крівлі, він злякався.

Попід будинком їздили автомобілі, ходили люди, але їхні голоси майже не сягали Енді — потужний вітер відносив усі звуки у протилежний бік.

Надто високо!

Енді відскочив від краю даху, але, перечепившись через іржавий снігозатримувач, гепнувся на бік і миттєво зісковзнув вниз через замшілий край крівлі...

Прийшовши до тями в лікарні, Енді відмовився говорити з лікарями. Ґеррі його не контролював, але Енді все одно боявся. Лікар Томпсон дав йому планшетку з папірцями, запропонувавши написати про те, що сталося, і залишив Енді у палаті на самоті.

Відшвирнувши спочатку планшетку з ручкою, хлопець замислився, наче дослухаючись до свого голосу, але за кілька хвилин обережно схилився над папером, виводячи першу слова. «Це був Ґеррі». На наступний день лікар Томпсон попросив Енді написати про Ґеррі. Ця розповідь і стала його першим оповіданням.

Наступні два тижні Ґеррі не з'являвся. Не з'явився він і через місяць. Скоро Енді знову почав говорити, хоча тепер здавалося, що він зважує кожне слово, яке збирався вимовити.

Далі були Джаспер і Келлі — Енді зустрів їх після школи у тринадцять років, коли старшокласники витягли у нього альбом з розповідями та розірвали його на шматки. Коли Енді намагався зібрати рвані шматочки того, що залишилось, до нього підійшли хлопець із дівчиною. Джаспер обожнював лаятися, і постійно розповідав Енді, як потрібно «провчати» тих, хто тебе ображає, а Келлі щоразу намагалася поцупити кілька батончиків з магазинів неподалік, передаючи їх сестрі Енді, яка дуже раділа гостинцям. Звісно що Енді ніколи не розповідав їй ні про те, звідки він їх бере, ні про нових друзів.

З ними Енді встряг у халепу, коли разом з Джаспером віддубасив одного шибайголову зі школи, що не давав проходу Енді на початку семестру. Справа завершилася викликом копів, і погіршувалася тим, що у Енді знайшли викрадені сережки з ювелірної крамниці, які Келлі саме залишила у його кишені. Джаспер та Келлі зникли з місця бійки, залишивши Енді наодинці з правосуддям, але справа завершилася штрафними роботами. З тих пір Енді написав чимало історій про цих двох, ігноруючи Келлі та Джаспера, які намагалися постійно витягти його «повеселитися», як у старі часи у місті.

Наступною стала Лора — перша дівчина Енді. Вона підсіла до нього за стіл на шкільній вечірці на останньому році навчання. Енді саме відшила Сьюз Еткінс — дівчина з його класу, назвавши його «шизиком» перед усіма своїми подружками. Він зненавидів дівчат. Але Лора змінила його життя. Вона стала єдиною, крім його сестри, хто слухав та любив Енді. Її обійми зводили хлопця з глузду, а мрії про неї не відступали від нього навіть уві сні.

Енді віддавав усі свої сили та заощадження, щоб задовільнити забаганки Лори, — але їй усе було мало. Після чергової сварки, коли Лора зникла на кілька днів, замучивши тим самим Енді, який остаточно втратив сон, хлопець відправився у глибини міста, не знаючи, куди він іде.

Там він зустрів Джошуа — викрадача автівок, який швидко показав Енді, як підкорити серце навіть такої вибагливої красуні, як Лора.

Тієї ночі Енді та Джошуа викрали кадилак. Вони помчали до берега моря, де їх напевне чекала Лора — навіть якщо Енді не міг назвати жодної причини для такої впевненості.

Низка розбоїв та викрадень стала тільки початком того темного періоду життя Енді. Кохання до Лори зводило його з розуму, Джошуа підсадив на травку. Енді повністю припинив зв'язки з родиною.

Але все всередині нього застигло, коли до хлопця дійшла звістка про смерть сестри.

Смертельна черепно-мозкова травма.

У той день він викинув Джошуа та Лору з кімнати мотелю на узбережжі та провів усю ніч за зачиненими дверима під сльози і істерики Лори та погрози Джошуа.

Зранку вони пішли. Усю ніч Енді писав, сповідуючись перед самим собою на папері, відчуваючи, як з нього розповзаються довгими липкими лозами жахливі історії його останнього року життя, а отямившись о шостій ранку, зрозумів, що Лора та Джошуа замовкли...

***

Він не чув жодного з них вже багато років. Його історії були опубліковані у кількох журналах, а тепер ось і у повноцінному збірнику. І сьогодні, перед своєю першою прес-конференцією, Енді відчув.

Вони все ще тут. Ґеррі, Джаспер, Келлі, Лора, Джошуа — вони завжди були з ним. Вони були ним. І вони чекали...

Енді біг вже багато кварталів, він хотів встигнути закінчити те, чого злякався у свої десять років на даху п'ятиповерхівки.

Енді відчував, як прокидається Він. І Енді знав, що жодна історія не втримає цього монстра на папері...

Енді не встигне. Кожен з них це знав.

Дуайт вже тут.

Дуайт знає, як його батько вбив сестру, і Дуайт нарешті помститься за неї...

Ілюстрація: Тім Мосолов-Кохановський

Смерть: романтизация и восприятие

В основе любого произведения в жанре ужасов лежит страх. Древняя реакция, сохранившаяся с первобытных времён, жизненно необходимая человеку для выживания, на данный момент почти полностью трансформировавшаяся в раздражающие фобии или же слабые опасения. Иррациональные страхи преследуют каждого из нас, напоминая о полном опасности прошлом.

Казалось бы, чем комфортнее и защищённее становится жизнь человека, тем меньше должно их становиться. И всё же, мы подсознательно жаждем страха, ищем его, будто пытаясь вернуть позабытое чувство борьбы со всем миром. Человеческий мозг цепляется за него, выбрасывая исторически привычную дозу адреналина: будь то страх темноты, травм, неизвестности, запредельного космического ужаса, или же — смерти. В основе последнего лежит всё тот же страх неизвестности, усиленный неизбежностью.

Можно сколько угодно ругать и ненавидеть авторов за смерть героев, но это всегда вызывает эмоциональный отклик. Хотя, он может быть и положительным, если погибает «злодей». Что достаточно условно, учитывая современную тенденцию читать принцип серой морали как повод делать из антагонистов никем не признанных страдальцев. В любом случае, смерть работает. И пугает. Точнее — должна пугать.

Самым дешёвым приёмом является демонстрация. Ведь, думает автор, что может испугать читателя сильнее, чем смерть персонажа. Однако даже при таких обстоятельствах, на его волю остаются детали и интерпретации, вкладываемые в голову читателю. Представить ли смерть ужасающим концом всего, или же неизбежной частью жизни? А может, переходной точкой, меняющей восприятие и мировоззрение героев? Все это создаёт определённый эмоциональный контекст, отражающийся как на произведении, так и на самом читателе.

В таком свете раскрывается неизбежная проблема двойственности восприятия. «О смерти не говорят», а значит и не пишут, выпуская её из поля зрения. Незначительная деталь, всего лишь связывающая две части сюжета. Либо, что хуже, — представляют в положительном ключе, пытаясь выдать за обыденность и норму нездоровую романтизацию.

Подумайте, знаком ли вам такой момент: прекрасная юная дева, одетая невестой, возлежащая на атласных подушках, с яркими, будто бы вновь порозовевшими губами. В комнате витает лёгкий запах ладана, рядом вытирает слёзы чёрным шёлковым платком мать, жених держит скончавшуюся за тонкое бледное запястье, надеясь на возвращение.

Такой была смерть в готической литературе — прабабке современных ужасов. Печальной, пышной и безвкусно прекрасной. В литературе того периода смерть и потустороннее было табуировано, а значит, интересно. Как и секс, как и эротизм. Что закономерно приводило к слиянию двух последних в единый образ. Например — вампиров. Неживых и вечно прекрасных обитателей ночи, так любимых Брэмом Стокером и Энн Райс.

Кроме того, учитывая массовое распространение туберкулёза, сифилиса, детской смертности, развития психотерапии и многих её уже доказано сомнительных методик, так же широко были распространены и соответствующие им визуальные образы. Такие как лик хрупкой прекрасной девушки с бледной кожей, увядающей как цветок. Или же загадочного джентльмена, прибывающего в отдалённое провинциальное поместье и более не появляющегося на людях. Одинокой полусумасшедшей вдовы и лунатичной

старшей сестры, потерявшей волю к жизни и рассудок. Всё это придавало свой неповторимый флёр литературе, наполняя и без того новые и любопытные публике образы своеобразной мрачностью и фатализмом.

Фактически, через более мягкое романтическое представление авторы раскрывали более глубокие и ранее не освещённые в литературе темы и образы, а приближая смерть к читателю, давали ему почувствовать себя особенным, за гранью разрешённого. Что само по себе дёшево и отвратительно, так как играет на банальном желании доказать свою отличность и небанальность. Но, опустим детали, и от неоспоримой классики пойдём к тому, что с ней стало.

Перенесёмся в более близкое время и к более знакомым образам. К примеру, образ юной самоубийцы, который мы все не раз встречали не только в книгах, но и в соцсетях. Никем не понятая и не принятая, она храбро решается на отчаянный шаг, чтобы избежать большей боли, или зная, что её жизнь никому не важна. Потерянная одинокая душа в тёмном городе, на которую не хватило любви. Прелесть. Признавайтесь, какую книгу узнали? «50 Дней До Моего Самоубийства»? «Я была здесь»? «Все радостные места», еще больше подведённые к образу русской адаптацией названия «Ты не виноват»? Думаю — сразу все.

Сколько разномастных цитат и стихов родом из пубертатного периода пытаются доказать, что самоубийство — это смелость и уважаемый поступок, призванный обратить внимание на происходящий вокруг хаос. Что самоубийца не виноват, виновато всегда только окружение и мир вокруг. Что погибнуть вместе с любовью всей жизни, чтобы быть вместе в жизни другой — это наивысшее благо, на которое может рассчитывать парочка. Что последовать на тот свет за второй половинкой, страдать после расставаний и пытаться изменить мир к лучшему отсутствием в нём себя — это абсолютно нормально.

И что пугает больше всего: продвигают подобные идеи отнюдь не ужасы, а та литература, которая наиболее доступна людям самого нестабильного, бунтарского возраста. Янг эдалт. Или же подростковая литература.

О, эти слова, сулящие такие близкие проблемы, такие фантастические сюжеты, такую невероятную драму и таких сильных духом героев!

И, конечно же, как же можно обойтись без доли романтики и мелодраматичности. В такие моменты создаётся впечатление, что автору задают ряд вопросов, вокруг которых и крутится сюжет:

Умрёт ли кто-нибудь в книге?

Кто это будет?

Когда?

Что его убьёт?

И далее в течение всего произведения нам оправдывают изначально заданный персонажу фатализм, забывая, что сам по себе суицид — это, в большинстве своём, сознательное решение, принятое под воздействием комбинации психического состояния и каких-либо внешних факторов, а не из-за одного лишь окружения. «Тринадцать Причин Почему» хоть и подняли важность проблемы подростковых самоубийств в глазах общественности, но всё же так никому не доказали важность их предотвращения. Скорее погрозили пальчиком всем подросткам, не справляющимся с жизненными ситуациями, а также сказали их окружению, что такое может быть.

Или же рассказывают историю заведомо провальных отношений между смертельно больными, переоценивая бессмертие любви. Может ли такое случиться? Конечно. Но станет ли неизлечимо больной пациент вкладывать остатки сил в то, что принесёт неизбежно больше боли? Сомневаюсь. Все же, нашумевший, и даже экранизированный роман «Виноваты звёзды» — это плод творческой выдумки, а не прямое отражение реальности.

Хочется внести в литературу немного реализма. Например, то, что смерть одного человека не изменит мир к лучшему и не сделает акцента на проблеме. В действительности всем, кроме нескольких близких людей, будет абсолютно плевать. Чтобы что-то изменить, надо, что удивительно, жить.

Кстати, о близких. Им будет больно. Не скорбно и печально до конца жизни, как могут думать некоторые, отнюдь. Люди, которым погибший был по-настоящему дорог, будут в

натуральной агонии. Их не будут волновать старые вещи и проживание тяжёлого этапа, они будут жить с осознанием того, что из них вырвали душу. Может быть и другая ситуация, эгоистичная боль:

«Несчастный я, мне так больно от смерти, пожалейте меня, да как меня могли так бросить, да как посмели». И такое тоже бывает. И «Марион. Мне всегда 13» тому подтверждение. Нельзя не испытывать сочувствие к матери девочки, можно даже назвать роман «исповедью», но всё же ни осуждения, ни выводов, ни обоснованных проблем там нет, всего лишь жалость к себе, дочери и общие фразы о злом обществе.

Ещё один любопытный, и почему-то из раза в раз повторяющийся образ — это представление героем своего вскрытия или похорон, вплоть до деталей, но чтобы все так или иначе участвующие трагично прониклись. Но всё будет вовсе не так. Судмедэксперт или санитар в морге не увидит в мёртвом теле особой красоты и не расстарается ради того, чтобы швы выглядели поопрятнее. Он увидит работу. Смерть априори не бывает красивой. При повешении кожа синеет до неузнаваемости, при утоплении тела опухают, падение с высоты так и вовсе превращает труп в некое подобие слегка развороченной отбивной. И в любом случае после смерти неизбежно расслабляется мускулатура, заставляя всё внутреннее содержимое так или иначе оказаться снаружи и несколько подпортить впечатление.

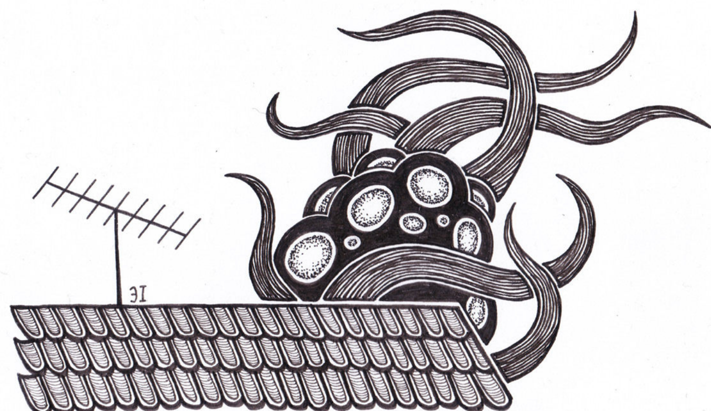
Также, в отличие от литературы, люди, стоящие на грани самоубийств в реальности, прекрасно знают о последствиях. Не в плане простого понимания, но осознавая неизбежное. Часто смерть не вызывает у них отторжения или отвращения, она становится просто фактом, теряет эмоциональную окраску. Становится частью жизни человека. Людям тяжело, они страдают в психическом и эмоциональном плане, или же наоборот не ощущают ничего, почти игнорируя окружающий мир. Но все равно сохраняют трезвое суждение. Это несколько расходится с напускным безразличием литературных героев, спасаемых любовью, и многострадальных хозяев пабликов, слёзно выпрашивающих последние в этом месяце лайки.

Красивые книжные похороны? Такой же миф. Заказать церемонию, провести все ритуалы, оплатить чудовищный счет ритуального бюро, подготовить тело к церемонии, и даже не думайте, что кто-то в течение всех этих манипуляций будет эмоционален и аккуратен. Отнюдь. Более того, на деле часто решения насчет проведения похорон принимает не семья, а сам пока- ещё-не-усопший. Люди пожилого возраста сами откладывают деньги на похороны и заказывают места на кладбище, неизлечимо больные заранее прощаются с семьей и друзьями, раздают долги, продают вещи, закрывают юридические вопросы, чтобы это не пришлось с трудностями делать их семьям. Во многом то же самое касается и самоубийц, которые даже день и время похорон планируют заранее. И в итоге все превращается в мрачную, но всё же рутину.

Смерть — это далеко не романтика. Это работа, худший кошмар, высшее благо, переломный момент, причина, следствие и неизбежный конец. К смерти и умершему нужно относиться с должным признанием и уважением, собственно, так же, как и при жизни. Смерть нельзя вычеркнуть и забыть, но превозносить и ставить на пьедестал в готичных чёрных оборочках, чтобы вызвать у читателя эмоцию, — тоже глупо. В лучшем случае это вызовет отвращение. В худшем — подтолкнет неокрепший ум к действию, что приведёт ко всем вышеописанным последствиям.

Смерть — это такая же часть жизни, как и любая другая. Давайте об этом помнить.

Morrigan S. Crows

Что нас пугает?

(ответ на эссе 30-летней давности)

В декабре 1989-го в Нью-Йорке вышел первый выпуск антологии андеграундных хорроров Cry for Dawn. Работали над ней всего двое: редактор Джозеф Монкс, он же автор текстов, и Джозеф Линсер — художник и автор общей идеи.

Первый выпуск журнала завершало эссе тогда ещё совсем юного Джозефа Линсера «What Scares Me», где он делился своими мыслями на тему личных страхов.

С тех пор прошло целых 32 года, за окном — новый век, и сейчас вы читаете уже наш журнал, первый выпуск которого также посвящён, собственно, ужасам, и выполнен в духе той самой старой школы.

Учитывая, что «Андерхаунд» задумывался как дань подобным изданиям, редакцией было принято решение завершить его ответом на то самое эссе, ступая по следам антологии, которая лично меня и вдохновила на создание данного проекта.

Именно пример Cry for Dawn, как труда двух молодых людей, работающих на голом энтузиазме, не имеющих на руках преимуществ других изданий — да даже тех же Weird Tales (у которых, справедливости ради, тоже всё было не без проблем), вооружённых собственным издательским домом — показал, что можно не бояться заявить о себе. Даже зная, что их могут воспринять враждебно, они продолжали вкладываться в свою идею и смогли найти своего читателя.

А сейчас мы, эти мифические читатели, продолжим размышлять над ответом на вопрос Линсера: What scares us?

Изначальным ответом Линсера, его личным кошмаром была власть над миром, попавшая в руки людей, тотально лишенных воображения. Его пугала однобокость тогдашних медиа, цензура — для проекта двух друзей это ожидаемо и почти благородно. Они сами встали на тропу войны против «одноокого зверя государственной цензуры», и шли вопреки мейнстриму и негласному запрету отображать в комиксах что-либо, что могло «дурно повлиять на аудиторию». Их время было совсем иным, их страхи — вполне конкретными и актуальными.

Но, как мы уже отметили, с тех пор прошло больше тридцати лет. Проблема цензуры уже не так актуальна, а хоррор вполне заслуженно стал одним из центральных нишевых жанров. Значит ли это, что в наше время нечего бояться?

Отнюдь.

Первый выпуск "Андерхаунд" посвящён ужасам во всей их красе, и в этом номере мы хотели поговорить о природе страха как такового. Ужас перед государственной машиной цензуры — это лишь малая доля необъятного экзистенциального страха, равно как и Тёмный Фараон — это лишь одна маска Ползучего Хаоса.

Говорить о страхах полезно и по-своему терапевтично. Первый шаг к решению любой проблемы — назвать проблему, и к страху это применимо в полной мере. Признать его наличие => значит, столкнуться с ним в комфортных условиях, проработать, отрефлексировать. Наша редакторка Майя Чорно̀та об этом написала целую статью: как работает жанр ужасов, и почему он встречается куда чаще, чем кажется.

Остальным журналом мы наглядно демонстрируем, как именно ужас трансформируется и проявляет себя в разных вариациях. Общая тема нашего выпуска — «космический» ужас. Означает ли это, что работы в нём должны быть все как одна о столкновении с древним злом на Хребтах Безумия? «Космический» — это

не только о путешествиях к звёздам, но и о глубинном, экзистенциальном страхе одиночки перед необъятной вселенной. Страхе, который может касаться как собственно далёкого будущего, так и вполне бытовых вещей, которые воспринимаются героем как нечто ультимативное и неотвратимое. Ползучий Хаос, Крадущийся Ужас Ньярлатхотеп страшен именно тем, что приходит в тысяче лиц — и ты не знаешь, с какой из его форм столкнёшься лично.

Подбирая работы для номера, мы задавались тем же вопросом, что и Линсер: рассмотрели сферы, в которых раскрывается ужас столкновения с неведомым, и сформировали четыре основных категории.

Говоря о «космическом» в контексте глубинного, экзистенциального ужаса, можно выделить его наиболее часто встречающиеся виды:

«Внешний непознанный»;

«Внешний опознанный»;

«Внутрений опознанный»;

«Внутренний непознанный».

Именно в таком порядке мы и распределили отобранные тексты, от столкновения с внешней неведомой угрозой до смирения и отчаянья перед сущностью, гложущей изнутри.

Полученный пласт работ мы разбили на два масштабных отделения, и первое из них посвящается всему внешнему.

Открывает номер рассказ Эрика Искры «Заходи в мой дом». Помимо того, что это само по себе впечатляющее приветствие, данная история рассказывает про столкновение с чуждой герою опасностью извне. Самый типичный, по сути животный страх ничего не понимающей жертвы, попавшей в ловушку хищника.

Следом идёт рассказ Алины Ларионовой «Гниле м'ясо». Здесь продолжается тема внешней угрозы, но один из героев о ней знает: отец мальчика прекрасно понимал, в какой ситуации находятся они с сыном. Что до мальчика, от которого скрывали истину — здесь опасность неведомого дополняется наивностью и верой. Если герой предыдущей работы подозревал об опасности, то мальчик здесь до самого конца верил в добрую природу изначально злой сущности.

Продолжает тему леса и детей история Полины Гореловой «Учень чаклуна» — первая работа, которую нам прислали, и которую мы изначально хотели поставить на открытие пилотного номера. Здесь неведомое становится осязаемым: Яцек видит в чернокнижнике пусть и строгого, но всё же умного и справедливого наставника. И только потом герой осознаёт его истинную суть. Но этого мало: герой идёт дальше и сам становится новым чудовищем.

Здесь-то мы и переходим к историям про опознанные внешние опасности. И первая из них — «Морская байка» Тимофея Мосолова-Кохановского. Подхватывая тему фольклора и легенд старины, она относит нас ко временам индустриальной революции и первых пароходов. Здесь у нас есть чудаковатый одинокий старик с личной драмой. И его зло — его же любовь, ставшая жертвой зла общечеловеческого. Но вместо принятия капитан готов сражаться, и история не даёт однозначного ответа, с кем или чем именно.

Развивает тему товарищества с неведомым наиболее лёгкая история — «Друг в тумане» Папужки, где образ Гриба выступает одновременно и символом прошедшей, возможно, войны, и маяком надежды, к которому тянется душа ребёнка. В этой истории нет чёткого указания на опасность неведомой сущности. Гриб предстаёт «другом» в мире, где уже ничего не осталось, а сама девушка — так ли она жива?

Эта история — своеобразный диалог о приятии смерти. С одной стороны, она вторит «Морской байке» — главная героиня давно знает Друга, видит в нём единственную родственную душу. С другой — здесь же кроется и отличие: если капитан выходит на тропу войны, то девочка принимает для себя смирение и тихий уход. И её уход разогнал туман.

И вот здесь самое время центральной работы: рассказ Маргарет Ц. Таубе, или же М. Ц. Таубе, — «Касания пальцев и разговоры о снах». Человечество в космосе на пути к Древнему — что может быть большей иллюстрацией космического ужаса, чем история о безумии на межгалактическом корабле? Открытое столкновение и закономерное

экзистенциальное смирение, бессилие перед вполне конкретным, известным нечто.

Медленная, осознанная деменция: час от часу, день ото дня теряющиеся крупицы рассудка и всё более смешные и тщетные попытки ухватиться хоть за что-то человеческое в месте, где от людей остались одни искажённые останки тел. И здесь же — глубинный страх оказаться во власти машины, изначально созданной для защиты.

Если «Друг в тумане» только допускал иллюзорность бытия и сомнения в своей природе, здесь это сказано явно и возведено в абсолют.

Высшей точкой и переходом от внешнего к внутреннему служит зарисовка Вероники Лелеки «Тик». Если «Касания пальцев и разговоры о снах» описывали медленное всепоглощающее безумие с внешней стороны, то этот текст наглядно иллюстрирует, как внешняя угроза ломает героиню изнутри.

Этой мыслью мы завершаем первое отделение, и ставим центральную статью номера: «Шпигун у жанрових рядах» Майи Чорнòты, в котором наглядно объясняем, почему хоррор уже давно присутствует в подавляющем количестве историй на правах поджанра.

Первое отделение закрывается мыслью о повсеместности ужаса.

И сам собой напрашивается следующий вопрос: «Что, если проблема не в мире? Что такого пугающего таится внутри нас?»

Второе отделение открывает история Аудры Полуденной «Не дивись», где сам герой по факту является «злом». Он знает о своей проблеме, но сам по себе не желает дурного, и чудовищем «становится» под влиянием внешних обстоятельств. Его внутреннее зло выходит наружу как средство самозащиты.

Развивая тему внутреннего зла, мы переходим к истории Майи Чорнòты «Пташечка». Приобретённое безумие, внутренние страхи, развившиеся, опять же, по причине внешних обстоятельств. Часть проблем уже была присуща главному герою. В своих чувствах он пересёк черту, и в его раскаяньи нет самооправдания. Если предыдущий герой осознаёт себя и делает всё, чтобы не допустить ужасного, то здесь показана полная противоположность.

И, подхватывая тему внутреннего слома в смеси с внешними обстоятельствами, мы знакомим читателей с первой частью повести, которая и дальше будет выходить на страницах журнала: «Акула в чёрном небе» Дмитрия Федюшина. Здесь внутренний слом мира никак не прорабатывается, планомерно отравляет мысли, замещает рациональное надуманным, и, чем дальше, тем сильнее искажает восприятие.

Мы долго думали, ставить ли эту работу в первое отделение, где речь идёт о борьбе с внешним — или же отнести сюда, ко внутреннему страху. На первый взгляд, главный герой попал в цепочку внешних обстоятельств медленно меняющегося мира, и сталкивается с чем-то, что пришло извне. Однако, внешне являясь историей о хрупкости внутреннего мира перед внешней угрозой, «Акула в чёрном небе» поднимает вопрос глубоко личного ужаса.

И от него мы переходим к ещё одной крупной истории: «Океан» Максима Кабира. В ней продолжается тема одиночки в большом городе. Герой тоже осознаёт своё неприятие внешнего уклада, при этом оказываясь для него лишним.

В городе из «Океана» очевидно много проблем, но жителей всё устраивает. Главному же герою нет места в мире «общей любви», но он не пытается как-либо изменить устоявшуюся систему. Его основной страх — смириться с фактом собственной ненужности. Если в «Акуле» герой идёт от смирения к борьбе, то «Океан» начинается неприятием, но планомерно затухает и тонет в смирении героя.

Закрываем второе отделение историей «Він. Вони.» Анны Линдберг. Она тоже про одиночку в большом городе среди «нормальных» людей. Вот только главный герой здесь уже полностью осознаёт своё безумие — и свою силу в нём.

Расслоение сознания приводит его к рефлексии, и, чтобы сохранить оставшиеся крупицы рассудка, Энди обрабатывает полученное в литературную форму, а слепая публика рукоплещет его работам. Вместо того, чтобы позаботиться о своём кумире, она ждёт новых и новых текстов.

Закрывает весь первый выпуск эссе «Смерть: романтизация и восприятие» Ксении Нарижной. Здесь мы возвращаемся к изначальному вопросу: «Что нас пугает?» — и даём прямой ответ.

До этого мы обращались к читателям. Сейчас — обращаемся к авторам, ведь и «Він. Вони.» стоит на закрытии, потому что главный герой — писатель. Пройдя путь исследования и рефлексии, мы переходим ко главному — проблемам творящего.

Как и любое искусство, литература — это форма коммуникации. Способ донести мысль от творящих к читающим. И тут даже не столько пугают, сколько очень огорчают попытки авторов поднимать определённые темы, не разбираясь в них.

Работая над очередным текстом, автору желательно хотя бы для себя чётко понять, какое именно послание он хочет донести людям, и позаботиться о том, чтобы быть понятым.

Не романтизировать ужас, а освещать его. Прорабатывать. Рефлексировать.

Любые литературные допущения — это хорошо, литература в своей сути — вымышленные истории, из которых можно извлечь определённые мысли, пищу для размышления.

Что хотелось бы напомнить: авторы, больше рефлексируйте. Соглашаться или не соглашаться с полученным — это уже дело читателей, каждый судит в меру своего опыта. Главное — мы хотим читать больше работ, о которых хотелось бы вспоминать, и где поднимаются темы, которые хотелось бы обсудить. И здорово, когда в таком тексте чувствуется детальная проделанная работа над материалом.

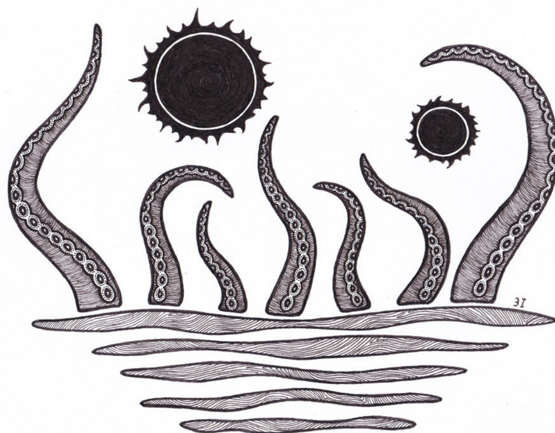
Другой вопрос, что даже хорошо проработанный материал рискует столкнуться с ещё одной преградой на пути к читателям — цезурой. О ней писал Линсер, её же опасаемся и мы, но мы добавляем к этому страху ещё один — ужас перед смирением.

Разумеется, вы заметили, как часто мы использовали это слово для подведения итогов глубинного страха в отобранных историях. И это касается как идей произведений, так и авторов, стоящих за ними.

Суть экзистенциального и ультимативного ужаса именно в том, что ему в принципе нечего возразить: ты или сожран, или прекратил борьбу. И отсюда ведём мысль — страшен не столько ограничивающий внешний аппарат, сколько абсолютное отсутствие сил и желания в итоге что-либо менять. Смиряться с ситуацией, которая для тебя неприемлема. Принимать её, как данность. Прекращать борьбу. Внутреннее согласие с изначально-противным, и полное безразличие к дальнейшему — вот что по-настоящему страшно. «Одноокий зверь» тоже смертен, до тех пор, пока у тебя есть силы на то, чтоб столкнуться с ним.

С другой стороны, когда ты подавлен, пребывая в состоянии беспомощности под влиянием внешних факторов, можно продолжать внутреннее сопротивление, но это значительно сложнее сделать, когда ужас пожирает тебя изнутри, исходит из самого тебя. И, поскольку смирение перед цензурой страшнее её самой, внутренний ужас — часто страшнее внешнего. Именно поэтому мы расположили тексты в такой последовательности: от внешнего ко внутреннему.

Теперь мы прощаемся — и напоследок задаём вам тот же вопрос: чего же боитесь вы?

Де нас знайти?

Редакція «Андерхаунду» завжди відкрита для спілкування, співтворчості та співпраці.

Якщо ви читаєте, пишете, малюєте, граєте на сцені чи організуєте заходи, або просто хочете поділитися враженнями й пропозиціями — радо чекаємо у соцмережах за посиланнями:

https://www.facebook.com/groups/anderhoundmag

https://www.instagram.com/anderhound.mag/

https://t.me/anderhound

Ці ж посилання зашифровані у QR-коді поруч.

Чекаємо на вас.

